

Инна Багинская

Детектив
сильных
страстей

Потревоженный демон

Детективный триумвират

Инна Бачинская

Потревоженный демон

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бачинская И. Ю.

Потревоженный демон / И. Ю. Бачинская — «Эксмо»,
2016 — (Детективный триумвират)

ISBN 978-5-699-85530-8

Весь мир — театр, а люди в нем — актеры. Эта шекспировская фраза как нельзя лучше подходит для описания того, что случилось в небольшом провинциальном городе: здесь происходят какие-то невероятно «театральные», будто показные, преступления. Одно убийство совершено стрелой из лука, другое — просто кулаком, одним ударом в сердце. Еще одну жертву заточили на несколько дней в заброшенном подвале, в полной темноте, под аккомпанемент записанных на диктофон ужасающих женских воплей… Как ни странно, следы всех этих преступлений ведут в городскую библиотеку, где с недавних пор работает клуб любителей английского языка «Спикеры». И сейчас «Спикеры» как раз репетируют спектакль…

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85530-8

© Бачинская И. Ю., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	38
Глава 7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Инна Бачинская

Потревоженный демон

© Бачинская И.Ю., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Все действующие лица и события романа вымышлены, любое сходство с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.
Автор

*Зверь спущен. Вот она, потеха
Разоблаченных палачей.
Звериный лик. Раскаты смеха.
Звериный голос: «Бей! Бей! Бей!»*

К. Бальмонт. Зверь спущен

Пролог

Человек сидел на щербатой средней скамейке под синим пластиковым навесом – на остановке второго троллейбуса их три, – свесив голову на грудь. Похоже, спал. Прилично одетый, при галстуке, не пьянь подзаборная, что странно – нечего такому человеку делать в пять утра на остановке троллейбуса, который появится только в шесть десять. Уличный пес, бежавший по какому-то своему важному делу, вдруг приостановился с вытянутой лапой и настороженно замер. Потом нерешительно подошел ближе и вдруг, подняв голову к сереющему сумеречному еще небу, дурным голосом завыл. Дворничиха, шоркающая метлой поблизости, перестала шоркать и посмотрела в его сторону. Подошла. Вгляделась, тронула человека за плечо, позвала: «Эй, мужчина, вы спите? Подъем!»

Тот не ответил, остался неподвижен. Она, все еще не понимая, чуть встряхнула его, и человек тяжело завалился набок. Она отпрянула и пробормотала: «Да что же это... Господи!» Достала мобильный телефон, набрала номер и, оглянувшись, начала говорить.

Оперативная бригада приехала через двадцать минут...

Глава 1

Из жизни Эмилия Ивановича

— Эмочка, я тебя люблю! — воскликнула эмоциональная Ирина Антоновна, бросаясь на шею молодому человеку по имени Эмилий Иванович. — Ты не представляешь, как ты нас выручил! Сию минуту позвоню ребятам! До вечера!

Она унеслась звонить ребятам, а смущенный Эмилий Иванович остался. Вздыхая и улыбаясь, он еще некоторое время смотрел Ирине Антоновне вслед. Когда она скрылась в глубине аллеи, он обвел рассеянным взглядом столетние деревья — дубы, клены и липы, — высокие кусты отцветшего жасмина, длинные клумбы с осенними каннами и майорами, задрал голову, прищурясь, посмотрел в просвет деревьев на еще по-летнему жаркое солнце. В это время — слегка после полудня — парк был почти пуст, безмятежен, задумчиво тих, и был разлит в нем мягкий зеленоватый свет. Сияли белые стены и золотые маковки храмов, летали, журчала, цветочные мухи и бабочки; по аллее мимо губернской канцелярии и стоящего на крыльце Эмилия Ивановича неспешно катила коляску с младенцем молодая женщина в красном платье. Глаза их встретились, и Эмилий Иванович кивнул. Молодая женщина улыбнулась...

Это был замечательный старинный парк, с которого чуть не тысячу лет назад зачался город. Отсюда открывался вид на плавную реку с длинными песчаными пляжами и заречьем до самого горизонта с одной стороны и на город с другой. Там тоже плыли среди зелени и синевы белые храмы и золотые луковицы. Насмотревшись на эту благодать, Эмилий Иванович запер дверь и по стеночке, на ощупь, отправился к себе в кабинет. Почему на ощупь, спросите вы. По той простой причине, что в домике губернской канцелярии было темно из-за мощных полутораметровых стен и крохотных окон-бойниц, не пропускающих дневной свет или пропускающих, но в очень малых количествах. Умирающая лампочка же на стене светила слабым голубоватым светом. Здесь было темно, прохладно и слегка пахло тленом. Дом губернской канцелярии — приземистый, кирпичный, двухэтажный особняк в стиле барокко, с фигурами выступами, всякими фризами и контрфорсами — насчитывал пару сотен лет, а то и больше и был предметом распри между несколькими культурными ведомствами города. Сегодня он принадлежит историческому музею, и здесь квартирует отдел старых документов, рукописей и книг. Большая часть коллекции занесена в картотеки, многое по-прежнему в ящиках. Задачей Эмилия Ивановича было привести все это хозяйство в порядок. Эмилий Иванович — современный молодой человек, а потому ведет не карточные каталоги, как было принято до него, а компьютерные и все сделанное в прошлом веке, не торопясь, ретроспективно конвертирует туда же. Работы много, и Эмилий Иванович иногда сидит допоздна, так как торопиться ему некуда — он холост, живет один, не считая пушистой черно-белой собачки Тяпы, и подруги у него нет. Он, можно сказать, счастлив, хотя один его знакомый сказал, что от такой жизни и такой работы сей секунд повесился бы. А Эмилию Ивановичу нравится. Он проработал несколько месяцев учителем истории — у него диплом истфака местного педагогического университета, — а еще директором магазина «Книжный червь», куда попал совершенно случайно, через благодарного пациента мамы Стеллы Георгиевны. С подрастающим поколением он не сработался, а магазин, увы, закрылся. Но это к лучшему, потому что Эмилий Иванович побаивался и смущался своих подчиненных — нескольких бойких на язык молодых женщин, от которых он спасался в собственном кабинете и сидел там тихо, как мышь под веником. Эти глазастые молодые женщины замечали и разные носки у него на ногах — был за Эмилием Ивановичем такой грешок по рассеянности, — и плохо выглаженную рубашку, и майку, надетую наизнанку; Эмилий Иванович постоянно чувствовал на себе их пронизывающие, как рентген, взгляды и ежился от их хихиканья. Благодаря счастливому стечению обстоятельств осво-

бодилось место в отделе рукописей городского музея, и Эмилий Иванович прекрасно прошел интервью. Правда, других желающих не было вовсе.

Здесь у Эмилия Ивановича есть все, что нужно для счастья нормальному человеку без особых запросов: интересная работа, электрическая плитка, маленький хромированный кофейник и красная мельничка для кофе с блестящей металлической ручкой – исключительно для декора, так как механизм электрический. Ну и, кроме того, пара красивых фаянсовых кружек дизайнерской работы: с изображением вороны с иронической мордой (из этой кружки пьет сам Эмилий Иванович) и радостного снегиря (на случай внезапного гостя). А также запасы сухариков, сахара и кофе в зернах. Иногда под настроение он покупает пакетик сливок, хотя считает, что сливки портят вкус кофе. Иногда – пирожное «Наполеон», что уже высший пилотаж и лишние калории, если честно.

Вот и сейчас Эмилий Иванович направился в крошечную комнатку без окон, где располагается «пищеблок», или «камбуз» – как вам больше понравится, – и засыпал кофейных зерен в мельничку, которую из-за прозрачного пластмассового колпака называет Астронавтом. Астронавт включил зеленую фару, заскрежетал, зигзагами задвигался по столу, и тут же по воздуху поплыл волшебный, сбивающий с ног дух настоящей арабики. Эмилий Иванович даже глаза закрыл от удовольствия, невольно слегкотнул и вспомнил маму, которая считала, что кофе вреден, а потому не одобряла. Мамы нет уже шесть лет, но Эмилий Иванович вспоминает ее всякий раз, когда слышит запах кофе. Это уже стало чем-то вроде ритуала: скрежет Астронавта, сумасшедший запах кофе и всплывающее перед мысленным взором неодобрительное лицо мамы Стеллы Георгиевны с приподнятой бровью, врача-терапевта третьей городской поликлиники. Стелла Георгиевна вела здоровый образ жизни и даже купалась в проруби. Эмилий Иванович же рос довольно болезненным и хилым ребенком – какая там прорубь! Кроме того, он не то чтобы предавался гастрономическим излишествам, но покушать любил. И кофе любил. И пирожное «Наполеон». И шоколад. И готовить любил, как оказалось, когда не стало мамы. Особенно ему удавались борщи и пельмени, которым в подметки не годился магазинный продукт. Эмилий Иванович усаживался перед телевизором, когда показывали политическое ток-шоу, слушал вполуха и смотрел вполглаза, вздрагивая от какого-нибудь особенно громкого полемического вопля, и лепил пельмени, аккуратно укладывая комочек фарша, сдобренного специями, на тончайший кружок теста из рисовой муки под названием «кожа дракона». После чего окунал палец в чашку с водой, смачивал кружок по ободу и тщательно заклеивал. В круглой коробочке с китайскими иероглифами и красным драконом на крышке – сто кружков, значит, на выходе – сто первоклассных пельменей. «Кожу дракона» привозил Эмилию Ивановичу сосед Жорик, бизнесмен, который закупал в Китае всякий ширпотреб – его квартира была забита копеечной ерундой, как то: китайскими фонариками, витыми шнурами с кисточками и колокольчиками, пластмассовыми цветами, меховыми зверушками, календарями с китайскими красавицами, толстыми младенцами и драконами, фаянсовыми буддами и лысыми китайскими мудрецами с посохом. И жена его, настоящая китаянка по имени Ли Мэй, словно сошла с глянцевой странички календаря. Она очень нравилась Эмилию Ивановичу, который любил все необычное. Кроме того, она научила его делать *дамплинги*. Пельмени, по-нашему.

Дамплинги порхали в кипящей воде, как бабочки, то взмывая вверху, словно норовя выскочить из кастрюли, то опускаясь на дно, трепеща шелковыми рисовыми крыльшками. Эмилий Иванович, затаив дыхание, отлавливал их сачком-шумовкой и укладывал на большую тарелку из фамильного сервиза, который мама разрешала брать только по праздникам, а Эмилий Иванович справедливо рассудил, что дамплингам нужна соответствующая посуда. На вкус же они были – восторг, упоение... просто ах! И слов-то сразу не подберешь. Особенно под соевым соусом. И непременно закатить глаза и жевать не торопясь. Можно под пивко.

Эмилий Иванович, как уже упоминалось, одинок. Не старый холостяк, нет – ему не то тридцать три, не то тридцать четыре, возраст вершины, – а просто одинок. Так сложилось. Была

лет десять назад какая-то история любви с девочкой из предместья, которая не понравилась Стелле Георгиевне. Знаем мы таких искательниц приключений, а потом квартиру разменивай! Да и где знакомиться с девушками? На дискотеки Эмилий Иванович не ходит, в конкурсах караоке на площади не участвует, друзей с безмужними сестрами и племянницами у него немного, вернее, вовсе нет, а знакомиться на улице не всем дано. Да и не та у Эмилия Ивановича внешность, чтобы знакомиться на улице. Нет, нет, не подумайте чего, но... Ему бы сбросить килограмм десять-пятнадцать живого веса, да в фитнес-клуб, да постричься красиво, да очки поинтереснее, да последить за осанкой... Например, стоять, прислоняясь спиной к стенке, по десять минут в день, что ли... и вообще. Тогда бы да. Ведь говорят же, что про всякого зверя есть ловец и про всякого купца товар... как-то так.

Эмилий Иванович уселся на крыльце губернской канцелярии, имея в руке дизайнёрскую чашку с иронической вороной, наполненную замечательным кофе. Вокруг сиял безмятежный день позднего лета, было тихо, зелено и благостно, не шевелилась ни одна травинка, разве что гнулась, когда проползала по ней неторопливо какая-нибудь досужая разноцветная букашка. Эмилий Иванович уже в который раз подумал, что у старинного парка особенная аура, что не удивительно, так как раньше люди умели выбирать места для зачина городов. Даже сверкающие там и сям редкие желтые листья добавляли в мироощущение вполне уместную и допустимую нотку грусти и наводили на мысль о том, что все проходит. Но мысль эта была легкой и нежной, не было в ней ни надрыва, ни горечи, а один лишь светлый философский смысл, невесомый, как паутинка бабьего лета.

Он не без удовольствия вспомнил, что завтра вечером придет Ирина Антоновна, Ириша, со своей шумной командой, вернее, труппой, и праздник продолжится. Только бы до начальства не дошло.

– Спикеры, надо же! – Эмилий Иванович до ушей улыбнулся и отхлебнул кофе...

Глава 2 «Спикеры»

«Спикеры»… Ох уж эти спикеры! Они с гордостью носили звание спикеров. Нет, нет, не подумайте, ничего общего ни с политикой, ни с парламентом. Упаси боже! «Спикер» – от «ту спик», что по-английски значит «говорить». То есть те, кто способен говорить, в нашем случае по-английски. Говорить или сказать хоть что-нибудь. В общем, если дословно, то те, кто говорит. «Говорители» или «говорящие». Можно «ораторы», но это не про них, слишком круто. А вообще речь идет о Клубе английского языка при центральной городской библиотеке, всего-то. Три года назад двадцать разношерстных пионеров собирались для создания клуба, прочитав объявление в местном «Курье» и услышав по радио призыв: «Всем, всем, всем! Научим, образуем, в оригинале, в совершенстве, задаром! Только придите!»

Пришло, как уже упоминалось, человек двадцать, среди них оказались самые разные личности. В том числе бывший лектор общества «Знание», почтенный старец лет восьмидесяти от роду, которому не хватало общения и хотелось поговорить на тему: «Тогда и сейчас»; студент местного истфака Иван Цехмистро, в своем роде знаменитость, которому нужна была аудитория для донесения собственных взглядов на политику, международные отношения и мироустройство в целом. Иван оказался умным и эрудированным студентом, спорщиком по любому поводу, даже самому нестоящему. Когда он взбирался на кафедру, в аудитории начинался гул, топот и свистки. Иван обижался и называл сокурсников варварами. А тут вдруг подвернулась свежая аудитория, где его еще не знали.

Пришла пенсионерка, которой нечем было себя занять – дети выросли и разлетелись, а муж уехал в Португалию на заработки, – милая, тихая, ее звали Зоя; пришла необычного вида девушка средних лет, у которой была манера уставаться в журнал или газету, раскачиваться и тихонько тянуть бесконечную ноту, якобы про себя, что производило странное впечатление.

Пришел сварливый молодой человек Павел, который цеплялся к Ирине Антоновне и критиковал ее методику преподавания как бесперспективную и несовременную. Никакого образования он меж тем не имел вовсе.

Пришел преподаватель музыкальной школы, собирающийся в аспирантуру, необыкновенно красивый мужчина, который оказался впоследствии абсолютно невосприимчивым к английскому, несмотря на совершенный музыкальный слух.

Словом, потянулись всякие разные, и оказалось, что в городе полно необычных особей. С одной стороны, чудаки украшают жизнь – издалека, правда; с другой – в быту лучше держаться от них подальше. И главное, никогда с ними не спорить – бесполезно, задавят дурацкими аргументами и опытом. Кроме того, не стоит забывать, что чудаки неутомимы. Как правило, это люди с огоньком, инициативой и поголовно оптимисты. Бьюсь об заклад, вам никогда еще не попадался депрессивный чудак.

Ну, да ладно, собрались, расселись, все такие разные, как уже было упомянуто. Рассмотрели друг друга, представились, рассказали коротенько о себе, и тут посыпалась разные интересные предложения. Походы в театр, встречи, конкурсы и викторины. Много было криков и споров до драки насчет названия. Предлагались «Британика», «Лондон», «Ангlosаксы», «Челси», «Честерфилд», «Гай Фокс», «Тауэр» – одним словом, все, что имело прямое или непрямое отношение к Англии. Мнения разошлись, гвалт стоял страшный. Народ был горячий, каждый со страстью отстаивал свои взгляды. Потом рассудительный художник-оформитель Саша Немет, оказавшийся там в ту пору, не кандидат в члены клуба, нет, а случайный посетитель, – сказал: «А что вы собираетесь тут делать, уважаемые господа?» На миг воцарилась недоуменная тишина. Учить язык, ответил он весомо. Зачем? Клубмены переглянулись.

Чтобы говорить, сказал Саша. Значит, вы кто? «Кто?» – было написано на лицах присутствующих. Значит, вы спикеры. Почему? Потому что «ту спик» по-английски значит «говорить».

Спикеры? Ну, в принципе, пожалуй, что спикеры. Кто «за»?

Через пару недель балласт отселялся, остались около десятка мотивированных бойцов, и пошла писать губерния. Художник-оформитель, кстати, чувствуя себя крестным отцом, тоже стал появляться. Правилом номер один клуба было: говорить, говорить, говорить, и черт с ними, с ошибками! Попав в незнакомую языковую среду, вы мобилизуете все накопленное, случайно услышанное или подслушанное и выдаете результат. Можно привирать или даже врать на полную катушку. Меня зовут Саша. Я художник. Я живу в Лондоне. Ура! Я робот! Меня зовут Мултивак. Я... я... я пою в опере! Я инженер! Космонавт! Карлик! Владелец казино! Мэрилин Монро! Мне пятнадцать, сорок, семьдесят, сто пятьдесят три! Я миллионер! У меня пять... как будет «яхта»? Замок в Шотландии. Я арабский шейх, у меня гарем. Сколько? Э-э-э... пятнадцать! А детей? Сорок пять! И «Бентли»! Два!

И стишки на память: «Маленькая птичка пела в декабре!», «Твинкл, твинкл, литл стар!»¹

А также походы на пляж, за реку, пикники, дни рождения – и все по-английски. Ну, по возможности. Они нашли себя сами, и это было здорово!

А однажды, сидя на закате на длинной скамейке с видом на реку – а кто не уместился, на траве, – спикеры притихли, задумались: чего бы это еще придумать? А если театр? Пьесу? Можно добавить городского колорита, изобразить известных лиц, которые на виду и на слуху. А судьи кто? То есть благодарные зрители? Как это кто! А спецшколы? А иняз местного педа? А кафедры трех городских вузов? Да от желающих отбоя не будет! Плюс родственники, друзья, поклонники, а также разномастные любители и самоучки.

Значит, театр? Решено! Даешь театр! Ура!

Повторные мучения насчет названия, крики и озарения... Шекспировский «Глобус»? «Медвежий садок» – оттуда же? «Метрополия»? По новой – «Британика»? И так далее.

Мы кто, весомо спросил художник Саша Немет, дождавшись паузы. Мы спикеры. Согласны? «Ну!» – ответил озадаченный коллектив. Чего плодить клички, только людей зря путать, сказал Саша. Клуб «Спикеры», театр тоже «Спикеры». Спикер, он и есть спикер. Кто «за»?

Саша Немет был так немногословен и так убедителен, что с ним не поспоришь. Сказал – как припечатал. Клуб «Спикеры» – первая ступень, для начинающих, театр «Спикеры» – вторая, для продвинутых, тех, кто ощутил в себе сценический суд. А начинающим роли без слов, чтобы не обидно.

– Ага, е-два е-четыре, и не надо ездить публике по мозгам, – сказал Юра Шевчук, ерник и циник. – Нормально.

Потом долго выбирали пьесу. Чтобы не арт-хаус, не слишком сложная и вполне узнаваемая. Ирина Антоновна мечтала о «Пигмалионе», но увы. Сложная лексика, тонкий юмор... Рано. Остановились на «Золотом ключике», который превратился в «Пиноккио». Потом распределели роли. Девиз театра: «Каждому по роли!» «По роли в зубы», – сказал Юра Шевчук. Или ролью по зубам. Под девизом: «Ежели персонажей не хватает, то их надо выдумать». Даже молчаливая пенсионерка Зоя получила роль, правда, без слов – служанки в гостинице, где «вышивали» злокозненные котяра Базилио и лиса Алиса. Потом ее повысили до черепахи Тортилы. «Тилипаха», – стал называть ее младший внучок, трехлетний Коляныч. Так и прилипло.

¹ Little bird sang in December (англ.) – Маленькая птичка пела в декабре; Twinkle, twinkle, little star (англ.) – Сияй, сияй, маленькая звездочка! Англ. хрестоматийные стихи для детей.

Костюмами особенно не заморачивались – каждый персонаж обеспечивал себя сам, в силу фантазии и темперамента. Текста было минимум, во избежание ляпов, но зато было много пантомимы, криков, жестикуляции, прыжков и танцев. Динамики, подогретой стробоскопом до ряби в глазах. Одним словом, пошлый балаган, как сказал Юра Шевчук, он же кот Базилио, который в образе кота танцевал канкан. Пусть балаган, зато весело и творчество. Насчет пошлости – извините-подвиньтесь. Скорее, капустник.

Центральный персонаж – бедный старый папа Карло. Однозначно, Саша Немет. Большой, красивый, бородатый, с косичкой. С нарисованными на лбу морщинами. Он так выразительно чесал в затылке, так достоверно крутил ручку шарманки, под которую загrimировали старый баян, извлекая дикие, режущие ухо звуки, так потирал поясницу, чесал нос, кашлял и сдвигал на затылок красную бейсболку, так печально смотрел на холст с нарисованным очагом, что слова были излишни.

А Пиноккио изображало тощее, вертлявое, визгливое существо – цыганка Марина из оседлой цыганской слободы. Да, да, настоящая цыганка, с таборными песнями и гитарой, правда, без слуха, и устрашающим, сиреной моши голосиной. По прозвищу сначала цыганка Аза, потом Пиноккио – по роли, потом Буратино и, наконец, Буратинка. Темперамент – бешеный! Как она запрыгивала на шею папе Карло, как дрыгала ногами, как пронзительно ворещала: «Папочка Карло, дэдди, я буду самым умненьким, самым благоразумненьким мальчиком на свете!» В ушах звенело. А деревянная судорожная походка! А ручки-ножки как на шарнирах! А длинный нос, цепляющий все вокруг! И полосатый колпачок с кисточкой на макушке.

Считалось, что она влюблена в папу Карло – уж очень надолго зависала у него на шее! Да что там Марина! В папу Карло были влюблены все.

Хромой кот Базилио и лиса Алиса – вообще песня. Котяра в старом обвисшем спортивном костюме с дыркой на колене, с надписью на спине «VasyaAdidas» как бы с намеком на известного городского легкоатлета Василия Г.; с черным кружком на глазу – то правом, то левом – под настроение; с торчащими вороным хвостом усами, без передних зубов, что, разумеется, сказывалось на произношении – он страшно шепелявил и плевался. Зубы, как вы понимаете, были заклеены черными бумажками.

А как он хромал! А как тыкал палкой в окружающие предметы, притворяясь слепым! А как вращал здоровым глазом! Изображал его единственный в команде профессионал-филолог, учитель английского из пригорода Юра Шевчук, тот, что танцевал канкан. Был это остроумный циник, ерник и насмешник, как уже упоминалось, и больших трудов стоило удержать его от ненормативной лексики и выпадения за рамки текста. Тем более он всякий раз привносила в роль что-нибудь новенькое, нахватавшись у своих учней, и его расpirало от желания пустить новые знания в дело.

– Филисты! – кричал Юра, размахивая костылем. – Мухи дохнут! Разговорная речь должна быть «грязной»! Тем более у кота. Ну, хотя бы пару «факов»! И вообще, бей козлов, люби бобров! Ирка, а ну, переведи!

– Через мой труп! – кричала в ужасе Ирина Антоновна. – Только попробуй! Там же будут дети!

– Дети! – закатывал глаза Юра. – Да эти цифровые вырожденцы дадут тебе фору с твоими старорежимными заморочками. Будь проще, Ирка!

– Папа Карло, скажи ему!

– Базилио, ты прав и не прав, – степенно отзывался папа Карло, сдвигая бейсболку на затылок. – Пара «факов» для выразительности, с одной стороны, никому не повредит, а с другой – я думаю, пока не надо. Премьера, дебют, первый выход, все такое. Давай пока в рамках, а там посмотрим. О’кей? Можно проголосовать.

Юра послушался, но тем не менее при каждом удобном случае склеивал кукиш, неприлично дрыгал хромой ногой и невнятно бормотал неприличные слова. Уличенный, кричал,

что все инсинации и вранье, просто у него так складываются пальцы, совершенно случайно, а «у вас грязное воображение!». Что же касается до хромой ноги – то в ней с детства нервный тик.

– Балаган! – прижимала пальцы к вискам Ирина Антоновна. – Приличные люди придут, преподаватели вузов, учителя, а ты со своими ненормативными жестами и словесами!

– Не парься, они тоже люди! – фыркал нахальный котяра. – Мы ставим комедию, а не трагедью, или я чего-то не понял? И не надо пить мне кровь, хватит мне родного директора.

– Кстати! – хлопнула себя по лбу лиса Алиса. – Надо книгу отзывов! Для истории. Я куплю альбом! Завтра же! Саш, разрисуешь? И фотки.

Лиса Алиса... Татьяна Соболева. Редкая красотка – черные глазищи с поволокой, прекрасные волосы, характер нордический, бойцовский... не характер, норов. Диплом университета, работа в котельной, где сама себе начальник. Начальница то есть. Да, да, вы не осыпались – в котельной! Сутки работаем, трое дома – самосовершенствуемся: читаем древних философов, смотрим культовое кино, пишем стихи. В знак протеста против подлости мира и босса, который вздумал протянуть лапы. В результате едва не лишился глаза – почти лишился, – вызывали «Скорую», а Таня, хлопнув дверью так, что она слетела с петель, удалилась со щитом, но без работы. Попадаются в наше сложное время и такие.

Она была хороша в роли лисы Алисы! Облезшая горжетка из бабушкиного сундука, распространяющая удущивший запах нафталина, страшный допотопный ридикюль, жеваная фетровая шляпка с бесформенным букетом, длинная юбка и тонкие ножки, обтянутые черными чулками, в здоровенных штиблетах на пуговках. Еще хвост, тоже облезший.

Репетиции в иностранном отделе, в читальном зале, что не всегда удобно – читатели недовольны. Крик, споры, креативные находки. Ирина Антоновна всю голову себе сломала, что делать. И тут вдруг заглянул на огонек Эмилий Иванович...

Он заходил иногда полистать иностранные журналы по дизайну и графике, несуразный, нескладный, трогательный Эмилий Иванович, с которым Ирина, можно сказать, дружила. Симпатизировала, другими словами, в силу бросающейся в глаза безобидности и деликатности. Он часами сидел в библиотеке, шуршал страницами, зарисовывал что-то в тетрадку. В очках с толстыми линзами. Он всегда приносил ей в подарок то цветок, то шоколадку или яблочко, то еще какой-нибудь пустячок, вроде брелка или фигурки лешего или домового, которые продавались в местных сувенирных киосках по дороге в библиотеку. И тут Ирине вдруг пришло в голову...

– Эмочка, а ты работаешь один? – зашла она издалека. – Или с коллегами? В губернской канцелярии, кажется?

– Один, – с готовностью отвечал Эмилий Иванович, даже привстал. – В губернской канцелярии.

– И от музейного начальства далеко, правда? – дипломатично вела дальше Ирина Антоновна.

– Правда. А что?

– А если мы попросимся к тебе, а? Один разик! У нас на носу премьера... «Спикеры», я имею в виду? Можно? Завтра, на пару часиков? Нам негде репетировать.

– Премьера? – удивился Эмилий Иванович. – Репетировать?

– Ну да. Мы ставим «Пиноккио», Молодежный пообещал зал для премьеры. Наш клуб «Спикеры». Помнишь, я тебя приглашала? А теперь у нас еще и театр, тоже «Спикеры». А репетировать негде. Читатели возмущаются, директор зудит. Можно мы к тебе?

Эмилий Иванович задумался. Потом спросил:

– Народу много?

– Человек шесть, – порозовела Ирина Антоновна. – Мы тихонечко! Я после работы забегу посмотреть, лады? Условия, в смысле – куда можно прилепить декорации, и вообще.

Эмилий Иванович неопределенно кивнул. Его одолевали сомнения, но отказать Ирише он не мог. На пару часиков, шесть человек, раздумывал он. Приличные люди, читающие, английский клуб «Спикеры», по радио рассказывали. И она забежит сегодня... нужно купить свежего кофе и чего-нибудь еще. Он невольно улыбнулся и кивнул еще раз.

Ирина Антоновна, Ириша...

Она нравилась ему, и он тайком ее рассматривал, делая вид, что занят журналом. Бросал стремительные взгляды, тут же уводил глаза и утыкался в статью или картинку. Ирина Антоновна была в курсе. Всякая женщина в курсе, когда на нее смотрят. Тем более когда смотрит такой робкий и стеснительный молодой человек, как Эмилий Иванович, поминутно краснеющий, прикрывающий глаза рукой и подглядывающий сквозь пальцы.

Подружка Алина из статистики поддразнивала Ирину Антоновну и называла его «твой Эмилька». Ты знаешь, Ир, твой Эмилька ничего, его бы приодеть, а то он как недоросль, ты бы занялась! А ведь хороший парень! Умный, добрый, порядочный, толстый, правда. Имей в виду, такие на улице не валяются. Ну почему как приличный мужик, так вроде Эмильки? Вопрос вполне риторический, ответа на него нет да и не требуется. Почему, почему... Потому! И точка.

Все так, все правильно про Эмилия Ивановича. Но... если честно, всем, кто с ним сталкивался, казалось, что из детства он сразу шагнул в зрелость, но при этом остался ребенком. И одет странновато – Эмилий Иванович носит короткие широкие штаны – такие в юмористической литературе называются «боцманскими», – пенсионерские рубахи и сандалии на пуговке, чем напоминает переростка-акселерата из глубинки, внезапно выросшего из своих старомодных одежд.

Откуда он их выкапывает, хихикает Алина. Не иначе как из бабкиного сундука. Ты бы подсказала, Ир, а то полная безнадега. А ты заметила, что у него разные носки? То черный с синим, то серый с коричневым! Алина хохочет.

Ирина Антоновна укоризненно качает головой: ну и язык у тебя! Да я не против подсказать, но как? Как сказать ему про одежду? И про носки? Может, у него с деньгами туго, сейчас все страшно дорого, ну а какая у них там в музее зарплата, сама знаешь, кот наплакал. На джинсы и футболки должно хватить, говорит неугомонная Алина. Не женат, внебрачных детей нет, платными сексуальными услугами вроде бы не пользуется. Или все на жратку уходит? Девушки смеются...

...Ирина Антоновна, Ириша, забежала в домик губернской канцелярии, как и обещала, вечером, после работы, и они пили кофе. Эмилий Иванович купил в «Золотом ключике» пирожных – два тирамису и два с маринованной вишней. Ириша только ойкала, что нельзя, калории, то-се, но парочку все-таки съела и пообещала себе сегодня не ужинать. Таким образом, вопрос с repetицией был уложен. Зал на первом этаже – прекрасная сцена, там еще есть ступенька, на которую усядется папа Карло, а в торце можно повесить плакат с очагом.

– Прекрасно! – с энтузиазмом воскликнула Ирина Антоновна. – Ты себе не представляешь, Эмочка, как ты нас выручил. Завтра часиков в шесть, добро? Ой, собачка! – Она заметила Тяпу, вылезшую из-под стола. – Какая хорошенка! Твоя?

Эмилий Иванович кивнул.

Она убежала, а Эмилий Иванович и Тяпа, стоя на крыльце, смотрели ей вслед...

* * *

...Они прибыли в половине седьмого. Пестрая, развеселая компания во главе с Иришей, и было их, как прикинул опешивший Эмилий Иванович, человек пятнадцать. Он задержал взгляд на здоровенном парне с полосатой подушкой под мышкой. Перевел на долговязого и тонкого с подсакой.

– Карабас-Барабас, – Ириша поймала его взгляд. – Подушка для усиления живота. А это Дуремар – Володя.

Дуремар взмахнул подсакой и присел в реверансе. Был это бледный тонкий юноша с бородкой а-ля кардинал Ришелье.

Папа Карло нес шарманку, тощая девушка в длинной цветастой юбке – здоровенное картонное полено. Еще одна девушка была в странного вида шляпке, а ее спутник с черным кружком на глазу. Он устрашающе вращал здоровым глазом и хромал, заваливаясь набок.

«Лиса Алиса и кот Базилио», – догадался Эмилий Иванович, вспоминая культовых героев любимой детской книжки. Правда, в той книжке герой назывался Буратино.

– Танечка Соболева и Юра Шевчук, – представила парочку Ирина Антоновна.

– Подайте бедному животному на пропитание! – Кот вцепился в Эмилия Ивановича. – Же не манж па сис жур! Дай, дай, дай! Жрать охота! И пить.

Эмилий Иванович отскочил и неуверенно улыбнулся.

– Пьеро и Арлекин!

Эмилий Иванович поклонился.

– А это наш спонсор и меценат Эмилий Иванович, – объявила Ирина Антоновна. – Добрая душа, старинный друг иностранного отдела. А это мы! Спикеры! – Она сделала округлый жест рукой. – Папа Карло – Саша Немет. Это Мариночка – Пиноккио. Карабас-Барабас – Миша Савченко. Черепаха Тортила – Зоя Павловна. Мальвина – Валерочка Костик. – Девушка в голубом паричке улыбнулась, и Эмилий Иванович с удовольствием задержал на ней взгляд. – Пьеро – Славик. А это наши технари – художник по свету Кирюша из Молодежного театра и фотокор Костя. – Осветитель Кирюша, бледный худой парень незначительного росточка, помахал Эмилию ручкой; Костя с камерой на груди важно кивнул – был он толст, серьезен, даже слегка насуплен. Клички у них были, как открыл на ушко Эмилию Ивановичу Карабас-Барабас, соответственно Кирюша, – Свет очей и Фото-Мэтр, или Тонкий и Толстый. Кирюша уже деловито прикидывал, куда воткнуть шнурры от софитов и стробоскопа.

– Здрасте, Эмилий Иванович! – посыпалось со всех сторон.

– Добрый вечер, Эмилий Иванович!

– Спасибо вам огромное, Эмилий Иванович!

– Ой, как тут таинственно! А что там?

– А вам тут не страшно, Эмилий Иванович?

– А тут есть привидения?

– Археологи говорят, тут подземный ход до Ильинской церкви! Правда?

– Ой, компьютер! В этих стенах! С ума сойти!

– А почему у вас на постере кошка и «Мона Лиза»?

– Поступайте к нам в почетные спикеры!

– Кто за почетного спикера Эмилия Ивановича?

– Ура! Единогласно!

– Папа Карло нарисует вам диплом!

– Ой, собачка! Это ваша? Как ее зовут?

Испуганную Тяпу потащили из-под стола, и она залилась визгливым лаем. Эмилий Иванович тоже растерялся, не привык он быть в центре внимания, не умел в компании. Но растерялся по-хорошему, даже покраснел. От растерянности он попытался пересчитать гостей, но после двенадцатого сбылся. Потом попытался отвечать на вопросы, но безуспешно, так как вопросы сыпались градом и ответов никто не ждал. Тяпа лаяла, переходя из рук в руки, и облизывала новым знакомым щеки.

В итоге народ разбрелся по канцелярии, скрипел и хлопал дверьми, щелкал туда-сюда выключателями, стаскивал с полки фолианты, поднимая тучи пыли, всюду совал нос, пихался, прятался за углами и высакивал с дурным «бу», вызывая визг девочек. К изумлению Эмилия

Ивановича, взрослые люди вели себя как школьники, которых он вспоминал с содроганием. Он умоляюще посмотрел на Иришу, и она закричала:

– Начинаем! У нас всего два часа. Сцена первая. Папа Карло, очаг и бревно. Поехали!

– Эмилий Иванович, у тебя случайно нет холодильника? – Карабас-Барабас отвел хозяина канцелярии в сторону.

– Холодильника? – обалдел Эмилий Иванович. – Зачем?

Карабас-Барабас кашлянул и пошевелил пальцами:

– Бухло поставить. В библиотеке, сам понимаешь, дыхнуть нельзя, а у тебя здесь спокойненько. Да ты не парься, всего бутылек красненького, восстановиться после репетиции. И закусить. Только Ирише пока ни слова, а то визгу не оберешься, она у нас женщина нервная.

Эмилий Иванович кивнул и повел артиста к крошечному холодильнику в кофейной подсобке.

– Папа Карло! Бревно! На сцену! – кричала Ирина Антоновна. – Время!

– Где моя шляпа? Кто помнит, я был в шляпе? Кто спер шляпу?

– Саш, ты оставил ее в библиотеке!

– Папа Карло, давай без шляпы. Тихо!

– Все заткнулись! Шат ап!² Поехали. Тишина!

Вспыхнул ослепительный свет, Эмилий Иванович, скромно притулившийся сбоку, вздрогнул и закрыл глаза. Ему было непривычно радостно и немного тревожно: а вдруг директор музея вздумает прогуляться в канцелярию, так, на всякий случай? И застанет вид на Мадрид? Но тут же он подумал, что рабочий день закончен, директор давно ушел, и единственный комплект ключей – у него. Запремся изнутри и никого не впустим. А завтра можно соврать, что забыл выключить свет. Вряд ли толстый Алексей Трофимович полезет заглядывать в окна. Эмилий Иванович подивился легкости, с которой придумал, что соврать. Творческое начало заразительно, не иначе.

– Бревно, на сцену! Эмилий Иванович, можно мы очаг на стенку скотчем? Мы его потом осторожненько снимем!

– Папа Карло!

– Бревно! Марина! Спрячь локти, выпирают!

– Тихо! Начинаем!

– Тяпа, тихо!

– Начали!

На сцене на табурете сидит папа Карло, печально смотрит на очаг. В углу – бревно, здоровенная кочерыжка с сучками.

Щелканье близа – Костя Фото-Мэтр на корточках ищет удачный ракурс. Снимки для истории. Эмилий Иванович снова вздрогнул и зажмурился.

– Poor me, poor me!³ – причитает папа Карло, раскачиваясь из стороны в сторону. – Один, совсем один! Ни жены, ни деток! Вот заболею, так и стакан… гм… некому подать! В смысле, воды. А был бы у меня сынок… – Он замолкает и прислушивается. Слышен явственный писк. – Кто здесь? Мыши?!

Писк повторяется. Папа Карло вскакивает, озирается, с опаской заглядывает в шкаф. Там пусто. Под стол – там тоже пусто.

– Хи-хи-хи! – слышится явственно.

Папа Карло испуганно шарахается, цепляется за ножку стола и во весь свой великолепный рост растягивается на полу. Сверху, визжа, падает бревно. Хохот. Один из софитов гаснет. Кириуша – Свет очей бросается к шнурам.

² Shut up! (англ.) – Заткнись!

³ Poor me, poor me! (англ.) – Бедный я, бедный!

– При чем здесь упад бревна! Какого лешего ты падаешь? – орет кот Базилио. – Тебя еще не вырубили!

– Не вытесали!

– Нечаянно! – пищит Буратинка из бревна.

– Сначала! – командует Ирина Антоновна.

И так далее, и тому подобное. Актеры раздеваются – софиты жарят, как южное солнце, – и бегают в подсобку попить.

В половине девятого наконец последняя сцена – все радостно вопят и танцуют. Мигает стробоскоп; по стенам мечутся тени, заливается громким лаем Тяпа.

Отбой! Возбужденные, голодные, уставшие, актеры валятся на пол. Гаснут прожекторы, становится темно. Темноту встречают дружным визгом. Жалкие лампочки в обители Эмилия Ивановича после ярких софитов вполне бесполезны. Карабас-Барабас, не теряя времени, ныряет в холодильник, вытаскивает свертки и бутылку. Лиса Алиса достает бумажные стаканчики.

– Это что? – удивилась Ирина Антоновна. – Вино? А Эмилий Иванович разрешил?

– Разрешил! Правда, Эмилий Иванович?

– Эмилию Ивановичу тоже! Карабасик, давай! За новоселье!

– За премьеру! – поднимает бумажный стаканчик папа Карло. – Пьем стоя.

Хохот – все и так стоят, так как сидеть в канцелярии не на чем.

– За хрен с ними и за удачу с нами! – говорит кот Базилио.

Новый взрыв хохота.

Еще примерно полчаса обсуждений, крика, перепалки, и спикеры дружно выкатываются на крыльцо. Эмилий Иванович запирает дверь, и они гурьбой идут по главной аллее к выходу. Людей в парке нет, вечер прохладный, да и день будний. В светлом небе с двумя невесомыми облачками сияет полная луна. Вскрикивают потревоженные птицы в верхушках вековых лип; вот пробежал ветерок, качнулись ветки. В свете луны блестят чугунные дула старинных пушек, размещенных по периметру старого парка. Вся обстановка напоминает декорации к пьесе о чародеях, магах и всякой запредельщине. Тем более в полный накал сияет голубоватая луна… так и таращится сверху. Облачка разлетелись, серо-черное небо, пустое и бесконечное, накрыло остывающую землю непроницаемым колпаком. И вот уже легкий прозрачный туманец воспаряет из кустов, ложбинок и неровностей; и смутно белеют храмы по широкой плавной дуге, тускло светятся золотые купола на горизонте…

– Красотища! – восклицает лиса Алиса, девушка безудержная и восторженная. – И домой не хочется.

– Можно на реку, искупаться, – предложил Дуремар.

– Ага, сам купайся! Вода уже холодная. И пиявки!

– Сама ты пиявка! В реке пиявок нет. А вода еще теплая. А правда, пошли! Детское время!

– Я домой. Устала, – Ирина Антоновна зевает и закрывает рот ладошкой. – Еще раз спасибо, Эмилий Иванович, ты нас очень выручил. Еще пару репетиций, и мы готовы. Ой, моя маршрутка! Спокойной ночи всем!

И она бежит на остановку. Эмилий Иванович с сожалением смотрит ей вслед. Художник-оформитель Саша, папа Карло, тоже смотрит ей вслед. Буратинка перехватывает его взгляд, иронически хмыкает.

– Можно ко мне в мастерскую, – предлагает папа Карло.

– Ура! – радуется кот Базилио. – А горючее?

– Найдем.

– Хорошо вам, мазилам, – говорит кот Базилио. – Бабло не считаете. А я, например, гол как сокол и ниш, как паук в туалете. Пошли!

– Ура! – вопят спикеры, и им отвечают хриплым карканьем потревоженные вороны.

* * *

Ирина Антоновна вскочила в пустую маршрутку, рухнула на сиденье и закрыла глаза. На площади еще гулял народ, но чем дальше от центра, тем пустыннее становились городские улицы. Раздрызганный пикап подбирал редких пассажиров, в салоне едва слышно мурлыкала музыка. Ирина Антоновна задремала. Разбудил ее рык водителя: «Конечная! Приехали!»

Она пробежала через темный двор к своей пятиэтажке. Их район довольно спокойный, никаких чепе, но поди знай. Она влетела в слабо освещенный подъезд и стала подниматься на свой пятый этаж. На четвертом лампочка не горела, и там стоял неприятный серый полу-мрак. Ирина Антоновна взлетела к себе на пятый, едва не наткнулась на сидящего на верхней ступеньке мужчину, шарахнулась и вскрикнула, испытав мгновенный ужас...

* * *

В мастерской спикеры расположились кто где, и папа Карло включил электрочайник. Лиса Алиса полезла в шкафчик за чашками и ложками. И началась роскошь общения. Они выпили по несколько чашек чаю каждый, съели все сухари и каменные пряники, валявшиеся в мастерской с незапамятных времен, обсудили спектакль, Ирину и главного режиссера Молодежного театра, который с какого-то перепугу пообещал им сцену для премьеры. Иными словами, от души посплетничали.

– А не боится чувак, что мы его переиграем? – спросил кот Базилио. – Говорят, его продукция – полный отстой.

– Ты что! Отличные спектакли, билетики спрашивают за три квартала! – воскликнула лиса Алиса. – Виталия Вербицкий – большой мастер! Правда, с приветом.

– Мастер-ломастер с очень большим приветом! – фыркнул кот Базилио. – Может, сходим как-нибудь?

– Можно. Соперника надо знать в лицо.

И так далее, и тому подобное...

...Оставив пределы мастерской гостеприимного папы Карло, спикеры распрощались на площади и разлетелись по домам. Папа Карло остался один. Домой ему не хотелось. Мисленно он перебрал друзей, к которым можно завалиться просто так, в любое время дня и ночи. Получалось, есть парочка, но если честно... если честно говорить, объяснить что-то и, главное, пить ему не хотелось. Хотелось коньяку в одиночку и помолчать. Спикеры – отличные ребята, но уж очень шумные. Особенно Буратинка! Как включит децибелы... Да и лиса Алиса – девушка горластая, аж в ушах звенит.

Недолго думая, он зашел в бар «Тутси», что около театра...

...Он сидел за барной стойкой, пил коньяк и поглядывал одним глазом на экран висящего в конце стойки телевизора. Показывали фильм о любви, звук был приглушен. Женщина рыдала, цепляясь за уходящего мужчину. Он снимал с себя ее руки, что-то говорил – наверное, рассказывал, что он ее не стоит. Папа Карло ухмыльнулся – вечно одни и те же байки. Я тебя не стою, ты замечательная, ты еще встретишь своего парня – что угодно, лишь бы побыстрее свалить после ночи любви. Прощальный поцелуй в лоб, а рука за спиной уже нашаривает замок. «Я позвоню!» – и низвержение по лестнице, не дожидаясь лифта. Уф! Конечно, позвоню. Когда-нибудь. Сколько их у всякого нормального мужика, этих случайных подруг?

Женщина на экране рыдала, мужчина что-то бормотал, лицо у него было несчастное. Слабак! Тут надо действовать быстро и, главное, не вступать в долгие разговоры и выяснения

отношений. Что выяснить? Разве и так не ясно? Пришел вечером, ушел утром, снова пришел, снова ушел... А она впускает, она рада – надеется, что однажды придет и останется. И все в итоге остаются при своих.

Папа Карло допил коньяк, сделал знак бармену. Вспомнил, как упала на него тощая Буратинка, и рассмеялся. Друзья удивляются – на хрен ему этот клуб? У него своя компания, старые проверенные дружбаны, правда, почти все женаты, многие по второму заходу, общие интересы, а тут какое-то детство, честное слово. Учу английский, отвечает он. Он иногда заглядывал в библиотеку полистать журналы – дизайн, графика, антиквариат, музеи – в поисках плодотворных идей. Однажды случайно попал на их сорище, стоял страшный гвалт, доходило чуть не до драки – обсуждали название клуба. Он сидел, листал журналы, а потом не выдержал – сказал: «Можно мне? Советы постороннего». Они замолчали, уставились на него, и Юра Шевчук спросил: «А ты кто?» «Я? Сказал же – посторонний, сижу, слушаю... Цель у вас какая? Говорить? Ну и не надо выдумывать велосипед. Спикеры! Клуб «Спикеры».

Потом ему позвонила Ирина Антоновна, пригласила на очередное заседание клуба «Спикеров», сказала: «Вы же теперь вроде крестного отца». Он пришел. Юра Шевчук обрадовался, хлопнул по плечу: «Как насчет по пивку опосля? А то тут одни трезвенники, блин!»

Потом загорелись ставить пьесу, долго выбирали. Ирина Антоновна написала текст на английском, даже песню придумала – сперли музыку из «Комарово», куклы пели противными тонкими голосами. Не пели, а нарочито визжали.

На роль папы Карло он прошел единогласно. Актером он еще не был. Грузчиком был, сторожем был, маляром, рекламщиком, теперь вот оформителем, а выступать не пришлось. Он сказал: «Вы что? Забудьте». А сам уже представлял, как он «сделает» папу Карло. Походка, одежда, грим, интонации.

Ирина страшно обрадовалась, когда он сказал, что согласен. Вообще, между ними словно искра узнавания проскочила...

После одного из заседаний клуба – кот Базилио называл их планерками – он увязался провожать красотку Таню Соболеву. Они болтали обо всем и ни о чем, с ней было легко и просто. Она была остроумна и не боялась щекотливых тем – любовь, секс, – бросалась, как в омут головой. Около ее дома он поцеловал ее в щеку и, к своему удивлению, не почувствовал ответного трепета. Девушка превратилась в соляной столб, заклякла, и он понял, что болтовня и раскованность ее не что иное, как бравада и поза. Небось девственница, подумал он, а жаль – не обломится. Но, с другой стороны, как повторял не стеснявшийся в выражениях Юра Шевчук, не надо срать там, где работаешь. Золотое правило. Женщин вообще много...

Папа Карло и папа Карло. Согласиться на папу Карло стоило хотя бы из-за одной Буратинки. Этот визгливый сгусток энергии налетал шаровой молнией, метался по сцене и заряжал настолько, что несколько бессонных ночей после репетиции им всем были обеспечены. Юра Шевчук – кот Базилио – откровенно валял дурака, непристойно дрыгал ногой и порывался танцевать канкан; Таня, лиса Алиса, оказалась природной актрисой! Голос, интонации, движения – все было преисполнено природной гармонии. Он не поверил, когда она сказала, что работает в котельной – а что, там читать можно, полная свобода! На вопрос, что же она читает, девушка ответила – ну мало ли, Монтеня, например. Ирина только пожала плечами: если ей нравится в котельной...

Он не заметил, как сдружился с ними. Даже не сдружился, а сроднился. Скажи ему кто, что он, трезвый, спокойный, расчетливый Алекс Немет, *вступит* в какой-то клуб, будет *играть* на сцене, *тратить* драгоценное время на репетиции и задаром писать задники...

Он допил коньяк, взглянул на экран. Там шел мультик – кто-то за кем-то гонялся с ружьем. Папа Карло кивнул бармену и пошел из зала.

...Он позвонил в знакомую дверь. Прошелестели быстрые шаги, мигнул блик в глазке, и ему открыли. Он подумал, что она ждет. Несмотря ни на что, ждет, а он скотина...

Глава 3 Триумвират

*Мгновенье... и в зале веселой и шумной
Все стихли и встали испуганно с мест,
Когда я вошел, воспаленный, безумный,
И молча на карту поставил свой крест.*

Н. Гумилев. Крест

– Привет, Савелий! Как жизнь, дети? А где философ?

Так обратился капитан Коля Астахов к Савелию Зотову, который с королевской точностью пришел на встречу друзей и уже минут пятнадцать маялся в одиночестве. И тут появился слегка припозднившийся капитан.

Дело происходило в баре «Тутси», излюбленном месте сходок триумвирата: философа Федора Алексеева, в прошлом оперативника, капитана полиции, сменившего, по его собственным словам, военный мундир на академическую тогу; бывшего его коллеги, тоже капитана, но в настоящем, Коли Астахова, человека решительного и далекого от всякой философии; и главного редактора отдела дамских романов местного издательства «Ар нуво» Савелия Зотова. Савелий – человек, воспитанный на чтении дамских романов, как того и требует его работа, а потому несколько оторванный от жизни, на что ему часто пеняет трезвый реалист Коля Астахов. Оторван-то Савелий оторван, но тем не менее есть что-то в его замечаниях... что-то или нечто этакое, некое жемчужное зерно, только нужно рассмотреть его и правильно истолковать. Капитан отмахивается, а Федор Алексеев толкует – он вообще человек вдумчивый, склонный к пространным рассуждениям, как и надлежит философу. «Мутный философ с мутной философией» называет его капитан, человек, как мы уже знаем, прямой и решительный, чуждый всякой муты.

Капитан Коля Астахов всегда опаздывает, несмотря на то что он человек военный. Просто удивительно, что сегодня он пришел почти вовремя и раньше Федора Алексеева. Работа у него такая – ненормированный рабочий день, все на бегу, на нервах, в неурочное время – пожрать некогда! Капитан, когда жизнь становится совершенно невыносимой, грозится уйти к брату в бизнес – снимает таким образом стресс, прекрасно понимая, что в бизнесе ему будет еще невыносимее по причине сильно развитого классового чутья и подхода.

Федор Алексеев – тот, которого еще нет на точке, – преподает философию в местном педагогическом университете, где пользуется заслуженным уважением коллег и любовью студентов, которых он называет студиозусами, учнями и недорослями – под настроение. Или вагантами. Студиозусы, учни... и так далее, хотя и любят Федора, но спуску ему не дают, всегда начеку, так и ждут, где Философ даст слабину, – устраивают дурацкие приколы и задают каверзные вопросы. Философ – кличка, как вы догадались. Философ, Препфил, Диоген (почему-то!) и Коперник. Еще Кьеркегор, но это даже не все способны выговорить. Коперник же – намек на эпизод со шляпой Федора, надетой на голову астронома, чей бронзовый бюст украшает вестибюль факультета. Обезьянничают также с клетчатым шарфом Федора и трубкой – по его убеждению, даже незажженная трубка помогает сосредоточиться. Приколы приколами, но Федору палец в рот не клади! Не на того напали. У него свое убийственное оружие – эрудиция, логика и чувство юмора. Попасться ему на язык – удовольствие ниже среднего. Голыми руками его не возьмешь, но договориться всегда можно. Достичь консенсуса и компромисса. Ему принадлежит целый ряд крылатых философских фраз, которые тут же расхва-

тывают его подопечные. Например: «Здоровый компромисс – двигатель прогресса»; «Здоровый диалог – залог взаимопонимания». И любимая: «Смейся над собой первым», которую он потребовал философски истолковать, осмыслить и взять на вооружение. Были и другие афоризмы, законспектированные и цитируемые, но эти три оказались, по выражению студиозуса Лени Лаптева, летописца и биографа Федора, «потолком».

Плюс романтический ореол бывшего оперативника, этакого капитана ноль-ноль-семь, который до сих пор – только это строго между нами и не для прессы! – преследует, стреляет, вяжет неуловимых убийц и маньяков, дерется, а главное, вовсю использует свои серые кле-точки – без него сыскари беспомощны, как слепые котята. И дерется он будь здоров! И вообще о таком *преподе* можно только мечтать! Предмет восторга и зависти до зеленых соплей всего бурситата. Сочинителем легенд и страшилок про Федора был, разумеется, студиозус Леня Лаптев.

Облюбованный троицей бар «Тутси» хорош мягкими нравами публики, предпочитающей джаз и старинные романсы, а едва слышное бормотание телевизора над стойкой способствует созданию почти домашней атмосферы. «Тутси» – заведение с традициями, где ненавязчиво дают понять, что в гостях здесь побывали местные и заезжие знаменитости, не преминувшие засветиться с хозяином и одновременно барменом – толстым Митричем. Правда, кто с кем засветился, вопрос и дело вкуса. На снимках известного земляка, фотохудожника Ивана Денисенко, с размашистыми автографами: отечески улыбающийся мэр с детишками в лучших традициях соцреализма; культовый режиссер Виталий Вербицкий с косой до пояса и в бусах, похожий на викинга; лидер партии «зеленых», известный тем, что с риском для жизни лег под трактор во время акции против лесоповалы в Марьиной роще; известный художник Виталий Щанский с несфокусированным взглядом и литровой кружкой пива; и многие, многие другие. В том числе и наша троица: красавчик Федор Алексеев в белом свитере с громадным воротом, бравый Коля Астахов и слегка растерянный улыбающийся Савелий Зотов – стоят плечом к плечу, а Митрич в центре, как дядька их Черномор, широко улыбающийся. В белой рубашке, с бабочкой и неизменным полотенцем через плечо.

– Федя позвонил, что задержится. Жизнь нормально. Ты как? Что у тебя, Коля?

– Я… У меня много чего, – туманно ответил капитан. – А где это он, интересно, задерживается? Каникулы, можно дурака валять с утра до вечера. Он что, женился?

– Женился? – испугался Савелий. – Федя? Откуда ты знаешь?

– А чего тогда опаздывает?

Савелий не нашелся, что сказать на столь странное замечание. Он, например, женат, но никогда не опаздывает, а, наоборот, приходит раньше.

– Я опаздываю, потому что жизнь собачья, – продолжал капитан. – Я как тот древний тип, что чистил конюшни. С той только разницей, что он вычистил, а я… – Капитан махнул рукой.

– Колечка, что случилось? – забеспокоился добрый Савелий. – Что-нибудь с Ирочкой?

– С Иркой? – удивился капитан. – При чем тут Ирка? Ничего не случилось, жива-здорова, что с ней сделается? Скорее уж со мной…

Капитан осекся и снова махнул рукой. Он хотел пожаловатьсяся Савелию, что Ирка купила шубу, потратив деньги на ремонт машины, и, главное, он, Коля Астахов, сам виноват, так как в минуту слабости подставился, как лох, забыл, с кем имеет дело, рассказал о премии. Похвастался типа. Хотел пожаловаться Савелию, но удержался – тот сейчас расквохчется, как курица, начнет утешать, приводить дурацкие примеры из собственного кущего житейского опыта под девизом: жизнь все равно продолжается, полоса белая, полоса черная, все-таки она вертится, а там, глядишь, и Федька подгребет и вдоволь потопчется по хребту. Хлебом его не корми. Знаем, проходили. А тут такое делается! Хрен с ней, с шубой. Тем более… тем более опять-таки сам пообещал в минуту слабости, дурак, что было, то было, и чего уж тут. Но так паршиво все сложилось, все одно к одному, что… тьфу! И денег жалко.

Ирочка была гражданской женой капитана Астахова, легкомысленной моделькой в ателье культового местного кутюрье, мэтра Рощенко, или, для своих, Рошика. Не то чтобы моделькой, а скорее костюмершей, швеей, курьером, в общем, по обстоятельствам. И швец, и жнец, и на дуде игрец – это про Ирочку. Но и на подиум ее время от времени выпускали, если повезет, было и такое. Однажды, когда Зара, демонстрантка молодежной линии, подвернула ногу, Ирочка поучаствовала в трех показах. Это был триумф! Сам мэтр Рошик похвалил, сказал: «Ирка, ты класс, прямо кризис-менеджер, тебе бы росточку с полметра добавить! А так нормалек, молодчага, выручила старика!» О старице – понты и кокетство: Рошику чуть за сорок.

Легкомысленная Ирочка хороша тем, что с ней легко. Коля воспитывал и зудел, водилось за ним такое качество – воспитывать и зудеть, она же пропускала его наставления мимо ушей. С точки зрения психологов, классическая пара: «взрослый – ребенок», то есть самая устойчивая конструкция для выстраивания семейных отношений. Может, потому они и не разбегались все эти годы. Пригоревшие котлеты, разбросанная по квартире одежда, неглаженые Колины рубашки, потерянные квитанции, ключи и документы – все это было замечательной дымовой завесой и релаксацией: Коля переключался на быт и выбрасывал из головы профессиональные проблемы.

– Федя! – встрепенулся Савелий и замахал руками.

Они наблюдали, как Федор подошел к стоящему за барной стойкой Митричу и обменялся с ним рукопожатием.

– Опоздание на тридцать минут, – заметил капитан.

– Но ведь пришел! – возразил Савелий.

– Коля, Савелий! Рад, рад! – Федор уселся на свободный стул. – Ну, жарища! Даже вечером чувствуется. А чего смурые? Савелий, как назвал сына?

– Уже? И ты молчал? – Капитан уставился на друга.

– Да нет, врачи говорят, еще две недели. Герман… назвали. Это Зоя выбрала.

– Герман? Герман Савельевич… красиво. – Коля скривился. – Мне еще Леопольд нравится, как тот кот. Леопольд Савельевич!

– Зосе нравится Герман.

– На вкус и на цвет, как говорят… Герман – тоже красиво, – подытожил Федор. – Ты хоть задумываешься о том, капитан, что Савелий у нас самый продвинутый, двое ребятишек? А ты чего зеваешь?

– А ты? А вообще, имя парням должен придумывать отец, а дочкам – мать.

– Или наоборот, – заметил Федор.

Коля задумался, потом кивнул:

– Или наоборот. Что пьем?

К ним уже поспешал Митрич с графинчиком коньяка и блюдом фирменных бутербродов – с копченой рыбкой и маринованным огурчиком.

– За Германа! – сказал Федор. – За продолжателя рода!

– Аминь! – не удержался Коля.

– Что, уже? – обрадовался Митрич. – Что же вы молчите, ребята?

– Ждем, Митрич. Еще две недели, – ответил Федор.

Савелий покраснел от удовольствия. Отпил из рюмки, захлебнулся, закашлялся. Капитан открыл рот, чтобы сказать гадость, что-нибудь про перевод благородного продукта, но только вздохнул.

– Слушай, капитан, что там за история с убийством? – спросил Федор. – В городе всякое говорят – то ли было, то ли не было. На троллейбусной остановке.

– Убийство? У нас в городе? – охнул Савелий. – Какое убийство? Я ничего не слышал!

– А Зоя? – иронически спросил капитан. – Тоже не слышала? Весь город на ушах!

Савелий пожал плечами.

– Не говорила… кажется. Ей сейчас не до этого.

– Ты, Савелий, живешь в параллельной реальности, – попенял другу капитан. – Ты вообще ни хрена не знаешь за своими бабскими книжками. Убийство было. Нашла труп бродячая собака в половине шестого утра, стала выть. На остановке второго троллейбуса, там еще старый каштан рядом и газетный киоск. Центр города, возле площади. Подошла уборщица, думала, спит, потрогала за плечо. Он и повалился. Просидел там всю ночь. Лисица говорит, смерть наступила между часом и двумя ночи.

Лисица был судмедэксперт, известный своим жизнерадостным характером и неизменно прекрасным настроением. Что доказывает: профессия не накладывает отпечаток на человека, а наоборот, никакая, даже самая неприятная профессия не ломает записного оптимиста.

– Уже известно, кто такой?

– Известно. Документы и деньги, все при нем. Убийца ничего не тронул. Мобильник, правда, раздавлен вдребезги – на него наступили.

– Нарочно? – уточнил Савелий.

– Не знаю. Может, нарочно, может, случайно.

– Как его убили? Ножом? – спросил Федор.

– Убили его кулаком, примерно между часом и двумя ночи. Лисица написал целый трактат, а если в двух словах, то его ударили кулаком в сердце, в итоге перелом ребра и разрыв аорты… как-то так.

– Кулаком? Его убили кулаком? – поразился Савелий. – Никогда не слышал, чтобы так убивали. Как нужно было ударить, чтобы убить?

– Убивают по-всякому, Савелий.

– Он умер сразу? – спросил Федор.

– Через две-три секунды после удара.

– Что уже известно?

– Работник мэрии, зовут Малко Владимир Павлович, незначительный пост, мелкая сошка, тридцать семь лет, разведен, нормальный человек, непьющий; кажется, была подруга.

– Месть? – спросил Савелий.

– Почему? – уставился на него капитан.

– Если не было ограбления, значит, месть.

– Правда? – изумился капитан. – Ну, раз ты так считаешь, может, и месть. У ребят из мэрии врагов много.

– Странный способ убийства, – заметил Федор. – Такой удар практикуется в восточных единоборствах.

– Был бы убийца такой выдающийся мастер, знал бы, что удар по горлу надежнее, а тут – никакой гарантии.

– Следовательно, был уверен. У каждого убийцы есть свой отработанный удар.

Савелий поежился и спросил:

– Может, у него было больное сердце? У жертвы? И его ударили случайно, в драке…

– Его ударили не случайно, – ответил Коля. – Его ударили для того, чтобы убить. Убили, а потом посадили на скамейку. Не отвезли в лес, не попытались спрятать, а посадили на видном месте между часом и двумя ночи. Причем возню могли заметить свидетели, в час ночи в центре есть люди; также могли запомнить машину. Но никто ничего не видел. Во всяком случае, свидетелей мы не выявили.

– Не понял, ну и что? – спросил озадаченный Савелий.

– А то, Савелий, что убийца не боялся, понимаешь? Он деловито и спокойно сделал свое дело.

– И что?

Коля не ответил, только дернул плечом.

— Понимаешь, Савелий, необычный способ убийства и то, что убийца не спешил, говорит о... О чём, Савелий, это говорит? — вмешался Федор.

— О том, что он профессионал? — догадался Савелий.

— Верно, Савелий. Он профи. И тут возникает вопрос: кто попросил серьезного профи разобраться с мелким чиновником из мэрии? Кому он перешел дорогу?

Помолчали.

— Что-нибудь еще? — обратился к капитану Федор.

— Джокер! Еще джокер. В руке убитого была зажата игральная карта, вот!

Он достал из нагрудного кармана сложенный вчетверо лист бумаги, протянул Федору. Там было цветное изображение игральной карты с улыбающимся до ушей шутом в красном колпаке с бубенчиками и в зеленых рейтзуах; в руке он держал домру.

— И что это значит? — спросил Савелий. — Подпольное казино? Карточный долг?

— Очень хорошо, Савелий, — похвалил Федор. — А вообще, что такое джокер?

— Карта из колоды, где пятьдесят четыре карты, — поспешил ответить Савелий. — Таро, например. Или покер. Заменяет и бьет любую масть.

— Правильно, Савелий. Джокер в переводе с английского — шутник. Это то, что лежит на поверхности. Но существует еще история вопроса, так сказать. В Средние века считалось, что джокер связан с тайным знанием и мистикой. Тайна и мистика! Это добро и зло, белое и черное, правда и ложь. Джокер идет по раз и навсегда избранной дороге и не может свернуть — для него нет дороги назад. Это если коротко. Джокер — это шут, которому известна тайна. Королевским шутам, как вам известно, позволялось говорить все, что вздумается, за что другие могли поплатиться жизнью. Они, как я уже сказал, знали больше других.

— Малко тоже поплатился, — заметил Савелий.

— Поплатился. Я бы сказал, что главное здесь — тайное знание. Убитый что-то знал, за это и поплатился.

— Мафия?

Федор развел руками.

— Подожди, Федя, ты сказал, джокер не может свернуть назад...

— И что?

— То есть... то есть безысходность! Хотел бы свернуть, но не может!

— Может, не может! — подвел черту капитан, шлепая ладонью по столу. — С вами все ясно, девушки. Вам фэнтези писать, мистику-дуристику про тайный смысл и битву добра и зла. Ты еще скажи, что Малко был рыцарем добра, и его убил рыцарь зла, давай, не стесняйся! А Федька подведет философскую базу. Запомни, Савелий, все убийства просты, как дважды два. Деньги, баба, водка. Еще дурость, но, опять-таки, подогретая алкоголем. Все. Ну, еще месть, но редко. Хочешь, зачитаю сводку по району? Про рыцарей добра и зла? С топором и бутылкой? Ну, я, конечно, допускаю, в английских замках с привидениями... там — да, а у нас в городе — нет. Никаких рыцарей. Была попытка ограбления, жертва умерла, нападавший испугался и удрал.

— А джокер? — напомнил Федор.

— А черт его знает! — с досадой воскликнул Коля.

— Свидетели?

— Нет свидетелей, я же сказал. Женщина из дома рядом с остановкой выглянула в окно около часу ночи и вроде видела большую черную машину с работающим двигателем. Разглядеть, что там происходит, было невозможно, там пластиковый навес. Спустя минут пять машина уехала.

— Что показала бывшая жена Малко? Вы с ней говорили?

— Говорили. Они развелись четыре года назад, она снова замужем, ожидает ребенка. Ничего не знает, с бывшим мужем почти не общалась. У них общий ребенок, сын, Малко давал

деньги, но с мальчиком не встречался. Вычеркнул их из жизни. Говорит, что ему было все по фигу, на все плевать, он бы и пальцем не пошевелил, чтобы помочь хоть кому-то. Равнодушная скотина. И друзей-то не было настоящих. Женщины? Крутились какие-то барышни... «Кому понадобилось убивать, ума не приложу! Морду побить, допускаю, но чтобы убить... Да и то не за что, понимаете? Не за что ему морду бить, ни рыба ни мясо. Хотя руки чешутся приложить». Причем ни сочувствия, ни сожалений она не испытывает. Говорит: «Пять лет жизни коту под хвост!» Жалеет, что не будет больше алиментов, и спросила, кто наследник. Я ответил, что их сын, если других детей нет, а как получить, расскажет нотариус.

– Он играл в карты? – спросил Федор.

Коля покачал плечами:

– Играл, наверное. Как все. Не исключаю подпольного казино, спасибо, Савелий. Что значит, знаток жизни!

– А подруга?

– Подругу ищем. Соседи сказали, жила у него девушка, да и в квартире есть женские вещи. Но найти ее пока не можем.

– Я бы поговорил с друзьями и коллегами, проверил электронную почту. Может, было что-то, угрозы...

– Не дураки, проверяем. Пока ничего.

– Обыск в квартире?

– Имел место быть. Доллары, коллекция порножурналов, в тайнике с десяток ювелирных изделий, золото и платина. Несколько альбомов с фотографиями Малко и девушек, некоторые довольно откровенные. Шикарный бар. Шкафы забиты шмотками. В ванной полно косметики и презервативов... Извини, Савелий, за интимную подробность. Шелковый халат с кистями. Женские вещи. Внутреннее чутье подсказывает мне, что подруга была не одна. В общем, обычный мужик, жил в свое удовольствие, ни в чем себе не отказывал.

– Доллары откуда? – спросил Савелий.

– Оттуда, откуда у всех остальных. Ты, Савелий, как... не знаю! – Коля махнул рукой.

– Много? – уточнил Федор.

– Двенадцать тысяч.

– А какие у мужчин ювелирные изделия? – спросил Савелий.

– Ювелирные изделия женские в основном.

– Зачем ему женские ювелирные изделия? – удивился Савелий.

– Может, ограбил ювелирную лавку, – ответил после паузы капитан.

– Какой-то скользкий тип, – сказал Савелий. – Шелковый халат, порножурналы, доллары... А еще в мэрии работал.

Коля фыркнул и уставился в потолок. Федор позволил себе ухмыльнуться.

– А чего это мы сидим как на детском празднике? – встрепенулся капитан. – Время только теряем.

Детский праздник был упомянут Колей не просто так. Как-то раз Савелий привел друзей на утренник в детский садик своей дочки Настеньки. Уломал и привел. В назидание, чтобы доказать, какое счастье детишки. А то время идет, а Федор даже не женат, а Коля хоть частично и женат, но без толку.

Коля сбежал почти сразу, он вообще боялся детей, а Федор остался и даже водил хорошие воды, вспомнив, как однажды проработал два месяца воспитателем средней группы, пока его не уволили. Родители в начале его карьеры устроили бунт за «какой-то, понимаешь, авангард!», как выразился один продвинутый папаша, а потом прониклись идеями Федора и потребовали его вернуть – после того как воспитатель прочитал им лекцию, как они своими руками удушают маленьких гениев. И предъявил результаты IQ-теста по средней группе. Когда он закончил, еще долгую минуту стояла гробовая тишина, родители, приготовившиеся к выво-

лочкам и финансовым поборам, впервые осознали, какое чудо их отпрыски и как, оказывается, им не надо давить на них. После этого его сразу вышибли. Заведующая сказала: ему хорошо, он пришел и ушел, гастролер, а нам с этими гениями потом мороки не оберешься.

– Давайте за… Как ты его назвал? – спросил Коля. – Леопольд?

– Еще не назвал, – поправил капитана Федор. – Он еще не родился.

– Ну да! Так как?

– Герман!

– А выпить за него можно?

– Наверное, можно, – кивнул Савелий.

– Тогда за Германа! Пусть растет большой и здоровый. В смысле, пусть сначала родится. Они выпили. Коля одним глотком. Федор – смакуя, а Савелий – страшно сморшившись.

– Я вот подумал… – неуверенно начал Савелий.

– Ну! – подбодрил его капитан.

– Я подумал… карт в колоде пятьдесят четыре, так? А если это «карточный убийца»?

Ну, вроде как «алфавитный», его жертвы начинались с «а», потом с «б» и так далее. На «д» или «е» его всегда ловят. Сюжет довольно известный.

– Ты хочешь сказать, что он перемочит всю колоду? – спросил капитан. – Савелий, ты думай перед тем, как говорить. Не ожидал.

– Ну, нет… я просто, – испугался Савелий.

– Савелий прав, – вдруг согласился Федор.

– В каком смысле? – вскинулся капитан. – Пятьдесят четыре убийства? Ты, Федька, фильм-труй! Савелий – ладно, он спец по бабским книжкам, там еще не такого набуровят, но ты… Столько жертв по всему городу не наберешь. С какого перепугу?

– Зачем он оставил джокера, капитан? Смысл?

– Оставил и оставил. Карточный долг, Савелий тебе объяснил. Правда, Савелий? Помоему, объяснение нормальное.

Савелий кивнул и спросил:

– Что ты имеешь в виду, Федя?

– Что такое почек преступника, Савелий, тебе известно?

– Ну… в принципе. Почек у серийный убийц, во всех криминальных романах. Например, рисунок кровью на стене и надпись: «Красный Джон» или «Черная кошка»; или тела расположены особым образом, или раскрашены лица, или оставляет какую-то вещь, куклу, например, или клоуна… – Савелий вдруг ахнул. – Джокер!

– Правильно мыслишь, Савелий.

– Не понял, – с досадой вмешался Коля. – Опять ты со своей мутной философией, еще и Савелия сбиваешь! При чем тут почек?

– Ты думаешь, Федя, следующее убийство с другой картой? Или все время джокер? – спросил Савелий.

– Следующее убийство не обязательно с картой, тут важен не оставленный предмет, тут важен сам факт, что было оставлено *нечто*, – объяснил Федор. – Неважно, что. Нечто. То, что делает убийство узнаваемым. Придает ему смысл. В данном случае убийство с джокером, понятно?

– Непонятно! – ответил капитан. – Ну и что?

– А то, что это знак. Некий символ. Мы не знаем, что он означает, но он присутствует. Зачем убийца оставил карту? Убил бы и убил. Месть, перешел дорогу, не поделили женщину, ограбление… А тут деньги не тронуты, труп на виду и джокер. Необычный способ убийства. Добавь сюда хладнокровие преступника. Центр города, даже ночью есть загулявшие прохожие, а он доставил тело, выгрузил, усадил, да еще и про карту не забыл. Спокойно, деловито.

В городе только и разговоров об убийстве и таинственной карте. Это, если хотите, обещание. В смысле, карта в руке жертвы. И вполне вероятно, есть кто-то, кто прочитал этот знак.

– Обещание чего? Ты, Федор, притормози! – с досадой сказал капитан. – Шел нормально посидеть, почти месяц не виделись. Уши от вас вянут!

– Это не конец, Коля.

– Иди к черту! Опять каркаешь?

– Я бы походил по секциям единоборств, кто-то может его знать, выявил бы спецов по такому удару. Как-то слишком экзотично для наших широт.

– А чем тебе наши широты… А кино, а паутина, а книжки Савелия – убийства, мордобой, кровищи море! Вот и аукается. Ты мне лучше скажи, Савелий, была история с картами? В твоих книжках? Уверен, что была. Все давно обсосано лучшими умами, так сказать. И каристы ногами почем зря дрыгают.

– Было что-то, кажется, – задумался Савелий.

– То-то и оно, что было, и не надо тут ботву разводить на пустом месте. Все в книжках и в кино, подробные инструкции – как банк взять, как хату обнести, куда бить, чтобы наверняка. Спасибо, народ ленивый у нас, а то, сами понимаете. А по секциям уже ходим, сами не дураки.

Глава 4

Гость у порога моего...

— Что вам нужно? — выговорила непослушными губами Ирина Антоновна. — Я закричу! Мужчина поднялся. Ирина Антоновна инстинктивно схватилась за перила. Убежать она все равно не смогла бы — ноги стали ватными.

— Ирка, не бойся, — сказал мужчина. — Не узнаешь?

Ирина Антоновна перевела дух, сглотнула, всмотрелась. Здоровый мужик с обветренной физиономией и пронзительными синими глазами.

— Дельфин, ты? — пролепетала она. — Но… как? — Откуда?

— Узнала. А ты не изменилась, я тебя сразу узнал.

— Но я не понимаю… откуда? — бормотала Ирина Антоновна, словно в забытии.

— Может, пригласишь в гости?

— Да, да, конечно! — заторопилась Ирина Антоновна. — Сейчас!

Она достала из сумочки ключ, попыталась вставить в замочную скважину, но не сумела, так тряслись руки.

Мужчина, которого она назвала Дельфином, взял ключ у нее из рук, отпер дверь. Посторонился, пропуская ее. Подхватил с пола свою спортивную сумку. Ирина Антоновна неверной рукой нашарила выключатель. Вспыхнул свет. Мужчина закрыл дверь. Они стояли в прихожей, рассматривая друг друга.

— Ну, здравствуй, — сказал Дельфин. — А я уже думал, не дождусь. Поздненько возвращаешься. Живешь одна?

Ирина Антоновна кивнула. И вдруг сказала:

— Ты живой? Или привидение?

Дельфин хмыкнул. Взял ее руку, прижал к груди. Ирина Антоновна почувствовала стук его сердца, вспыхнула и попыталась высвободиться.

— Живой?

— Живой. А как ты меня нашел?

— Элементарно. Найти человека не проблема. Чаем напоишь?

Она хотела спросить, откуда он взялся, но постеснялась. Только и сказала:

— Хочешь умыться?

— Хочу. Ты никого не ждешь?

— Я живу одна. Сюда! Полотенце на полке.

Он кивнул и скрылся в ванной. А Ирина Антоновна тут же побежала к большому зеркалу в прихожей, схватила сумочку, достала губную помаду. Поправила волосы. Рассмотрела себя. Горящие щеки, горящие глаза. Она прижала к щекам ладони. Потом побежала на кухню.

Дельфин уселся в старое кресло у окна и с улыбкой наблюдал за ней. Она почувствовала, как загорелись уши.

— Помочь?

— Открой шпроты и нарежь хлеб. Хочешь картошки?

— Не нужно, достаточно бутербродов. Я принес мясо. Помидоры есть? Люблю мясо с помидорами. Давай по коньячку! Выпьешь?

— Я сегодня уже выпила, — брякнула Ирина Антоновна.

— Я понял. — Он ухмыльнулся. — А мы добавим, за встречу. Давай рюмки.

Он достал из сумки круглую бутылку с золотыми медалями. Ирина принесла рюмки.

— За тебя, Ирка!

Ирина Антоновна пригубила, закашлялась.

– Ты никогда не умела пить, – засмеялся гость. – Помню день рождения Павлика...
Она пожала плечами.

– Почему ты одна?

– Я не одна, у меня сын. Девять лет. Сейчас он с бабушкой на море. А ты? Женат?

– Женат.

– На той? С белыми волосами?

Дельфин рассмеялся.

– Не помню! Ирка, сколько же мы не виделись?

– Мне тогда было шестнадцать, – сказала она. – Двадцать! Почти двадцать. Мы не виделись почти двадцать лет. Помнишь, как ты меня провожал? В сентябре.

– Помню.

– И я тебе пересказывала какую-то дурацкую книжку, чтобы не молчать. Ты всю дорогу молчал!

– Я не знал, о чем с тобой говорить. Ты была другая.

– Виталик сказал, что я у вас не прижилась. И вообще, с меня не будет толку. А потом началась школа, и я бросила секцию. Мама считала, что гребля не для девочки.

Дельфин рассмеялся.

– Не прижилась.

– Он говорил, что мне не хватает спортивной злости!

– Наши ребята были попроще, а ты... при тебе даже выругаться боялись. Я еще удивился, откуда такая домашняя. У тебя, помню, подружка была... Леся, кажется.

– Леся. Была еще Жанна, но она бросила раньше. Мне всегда нравилась вода. На базе висела твоя фотография, кто-то сказал, наш чемпион, сейчас в армии. А потом ты вернулся!

– Помню, ты тащила байдарку и цеплялась за кусты.

– А ты помог, спустил на воду. А девчонки смеялись. Ты был... – Она запнулась. – Они все вешались на тебя! А та, крашеная, каждый день поджидала с тренировки.

– Не помню, – ухмыльнулся он, с удовольствием ее рассматривая.

– А когда ты провожал меня... один раз всего! Я думала, ты меня поцелуешь. А ты привел меня к дому и ушел. Я всю ночь проплакала.

– Дурочка! Да я боялся тебя, как пашан! Как щенок! Я не знал, о чем с тобой говорить. Ты была не для меня, Ирка. К тому же малолетка.

– Ага, а ты после армии. Взрослый мужик, на которого все вешались. Я пряталась за всеми углами и подсматривала! Ты был черный от загара, и глаза синие. Где ты сейчас?

– Здесь. В Посадовке.

– Здесь? Я думала, ты уехал. Ни разу не виделись за все двадцать лет!

– Что такое двадцать лет? – улыбнулся он. – Вроде много, а вспомнить нечего. А ты почему одна?

Ирина двинула плечом.

– Развелись.

– Почему?

Она снова двинула плечом и не ответила. Да и что было отвечать? Люди сходятся, расходятся... сначала любовь, потом скука и раздражение. И по всем статьям полное несовпадение. Дело житейское.

– Работаешь?

– В центральной библиотеке.

– У тебя кто-то есть?

Она покачала головой.

– Нет. – И спросила: – А ты?

– У меня все нормально. Как у всех. Детей нет.

- Ты собирался в институт, – вспомнила она. – На физкультурный.
- Собирался. Не получилось. Да и не любил я учебники. Я парень простой. А ты?
- Я закончила наш пед, факультет английского. Два года работала в школе, теперь в библиотеке. Сегодня у нас была репетиция…
- Репетиция? Это как?
- Мы поставили спектакль, вернее, пока репетируем. Читатели, в смысле. На английском языке.
- И ты наклюкалась на репетиции? – поддразнил он. – В библиотеке?
- Ирина рассмеялась.
- Да нет же! В губернской канцелярии!
- А губернская канцелярия тут каким боком? Это та, что в парке?
- Та самая. Нас пустили порепетировать. Там работает мой друг Эмилий Иванович, замечательный человек. Нам репетировать негде, вот он и разрешил у него.
- Эмилий Иванович… – повторил мужчина. – Красиво! Он что, начальник канцелярии?
- Главный канцелярист?
- Ирина рассмеялась – ей было удивительно легко с ним! Ей снова было шестнадцать, мир был прекрасен и удивителен, а впереди – любовь, радость, восторг, и жизнь представлялась яркой рождественской открыткой.
- Нет, просто там никого больше нет. Он один работает, в отделе документов и рукописей. Я вообще предложила, чтобы он оставил нам ключ, ну, чтобы самому не сидеть, но он сказал, что ему нравится.
- Понятно. А из школы ты почему ушла?
- Не было ставки, я работала почасовиком. Я бы осталась, мне нравилась школа. А ты?
- Кручу баранку, сегодня здесь, завтра там. Знаешь, оказывается, наш шарик совсем маленький.
- Дальнобойщик? – догадалась Ирина.
- Он самый. Только из рейса. Я давно хотел найти тебя, адрес узнал еще весной. Не прогонишь?
- Что-то случилось?
- Ничего не случилось. Я вдруг понял, что не хочу домой. Не хочу, и баста. Давай за нас! – Он разлил коньяк по рюмкам.
- Выпили.
- Знаешь, Виталик умер.
- Когда? – вскрикнула Ирина.
- В марте. Сердце схватило.
- Он же здоровый был! И не старый.
- Не старый. Шестьдесят шесть, мог еще пожить. Хороший мужик был, царствие ему небесное. Стольких ребят поставил на ноги.
- Он говорил, что мне не хватает спортивной злости, – снова вспомнила Ирина. – Да и мама повторяла: вот если бы танцы или спортивная гимнастика… Ой, я, кажется… – Она прижала ладони к горящим щекам. – За Виталика! Мы страшно гордились, что у нас такой тренер. Он греб за нашу сборную на Олимпийских играх.
- Он был запасным.
- Все равно! Давай! – Она схватила рюмку.
- А не хватит? – Он с улыбкой смотрел на нее.
- Не хватит! Наливай! Господи! Неужели это ты? Глазам своим не верю! Откуда ты свалился?
- За Виталика!
- За Виталика! – Ирина залпом выпила, задохнулась, закрыла рот рукой.

Дельфин, ухмыльнувшись, протянул ей стакан воды:

– Запей!

– У тебя глаза... синие! С ума сойти, какие у тебя глаза! Я же все помню! Почему ты меня тогда не поцеловал?

– Я боялся дотронуться до тебя. Теперь жалею.

Она вдруг всхлипнула и закрыла лицо руками.

– Не хочу! Двадцать лет! Не было ничего! Как будто вчера...

– Ну-ну, глупая! – Он притянул ее к себе.

Она извернулась, они стукнулись лбами. Ирина рассмеялась. Поцелуй был как ожог. Она подумала, что у него жесткие губы. И сильные руки. Он поднялся с табурета, рывком поднял Ирину.

– Я так соскучилась... – пробормотала она между поцелуями. – Где ты был? Я совсем пьяная... голова кругом! Ты меня даже не поцеловал! Я все помню... Шел рядом и молчал... Почему?

– Дурак был! А ты не изменилась, Ирка.

– Дурак...

...Она проплакала тогда всю ночь. От любви, от разочарования, от обиды. Родители проводили отпуск на море, как оказалось, в последний раз вместе – через пару лет они разбежались окончательно, – и она была одна в пустой квартире. Ругала себя за болтливость, несла какую-то чушь, пересказывала прочитанную накануне книжку... лишь бы не молчать. Боялась молчания... Боялась... чего? Что он возьмет ее за руку? Обнимет? И что будет? Он, взрослый мужчина, и она, нецелованная девчонка? Сердце замирало сладко и страшно... Она чувствовала его запах... запах загорелой дочерна кожи, хлопковой рубашки. Вокруг нее были одни мальчики, одноклассники, криклиевые, вредные, двоечники и хулиганы. А он был взрослым, полным тайны, непонятным, непостижимым. Он знал то, о чем она могла только догадываться. Алка сказала, что он меняет баб как перчатки. Именно так, нарочито грубо – баб как перчатки. Наверстывает после армии. А соседка во дворе сообщила, что он неделями не появляется дома – болтается по бабам, а те так и вешаются – парень видный.

Она, замирая, представляла себе, как он остается на ночь и... Тут воображение буксовало – двадцать лет назад кино и книги были... э-э-э... притяжими, что ли. Это сейчас нет секретов и тайн, а тогда... Упаси боже, какие прокладки! И в эти дни... *критические*, как сейчас говорят, можно было пропустить урок физкультуры, и мальчишки по-дурацки хихикали, а девочки краснели. Век целомудрия. Нет, конечно, в теории они знали, что и как происходит, и сердце замирало, и в глазах меркло, и желания просыпались, а на практике даже самые смелые не могли похвастаться *знанием*. А может, это она была такой... отсталой.

Они шли по темной улице, горели фонари, они ступали попеременно то в свет, то в тень, по щербатому тротуару, выложенному старинным клинкерным кирпичом, и она вдыхала его запах – так маленький слабый зверек вдыхает запах большого и сильного хищника, а внизу живота бился живой огненный шар, и слабость в коленках была, и тоска в сердце. Она чувствовала себя такой ничтожной и маленькой, такой неинтересной, такой слабой и неуклюжей... А он молчал – наверное, жалел, что пошел провожать, думал, что она веселая, заводная, а она вовсе другая. И она пересказывала ему какую-то дурацкую книжку... лишь бы не молчать. Маленькая глупая дуреха...

Он сказал, что она не изменилась... Значит, помнит?

За окном серели утренние сумерки. Она сидела в постели, обхватив коленки, ежась от утренней сырости – балконная дверь была распахнута настежь. Дельфин лежал на животе, полунаагой, едва прикрытый простыней, разбросав руки, и она рассматривала его мощные плечи, четкую рельефную борозду позвонков, узкий зад... Чеканный профиль на подушке,

легкая седина в темных волосах... Двадцать лет. И вопрос сверлом в висках: что они упустили? И упустили ли? И что было бы, если бы... И что теперь? Наверстывать? Остановиться и подумать? Или рвать, урывать, жадно урча, глотать, не разжевывая, тонуть в шальных глазах, синих-пресиних, предчувствуя яростный взрыв... еще секунда, сотая доля секунды, вот сейчас... сейчас... собственный вопль и его рык – голос хищного зверя, – и неважно, что завтра? А потом, долгой холодной зимой, вспоминать до потемнения в глазах? Облизывать пересохшие губы и вспоминать тепло, запах, сильные руки, хруст костей и боль, вкус поцелуев и вкус крови? Вспоминать, метаться, сминая простыни, до утра, до самых серых утренних сумерек...

Что? Его не удержать, он свободный дикий зверь, поняла она, живущий на воле, который случайно забрел в город, где живут люди. Где большие дома и заборы, где воняет асфальтом и помойкой.

Он открыл глаза – брызнуло синевой, улыбнулся – показал клыки. Перевернулся на спину, протянул руку, запустил пальцы в ее волосы...

Глава 5 Долги наши...

В воскресенье Эмилий Иванович надел на Тяпу поводок, и они отправились на кладбище. У бабушек под кладбищенскими воротами Эмилий Иванович купил четыре букета – два белых лилий, один красных георгинов и один красных, почти черных, роз – и они с Тяпой не торопясь пошли по центральной аллее. Сначала, согласно ритуалу, девочки. Елена, которой он никогда не видел, и Лиля, которую он знал целых два года. Мать и дочь. Он положил белые лилии на черные мраморные плиты и присел на скамейку. Посмотрел на фотографию Елены: нежная, тонкая, с длинными светлыми волосами и потусторонней улыбкой, в рассеянных глазах – вечность. Тридцать шесть, тринацдцать лет назад. Перевел взгляд на фарфоровый медальон с Лилей: смуглая красавица, темные кудряшки, лукавство в черных глазах и ямочка на щеке. Двадцать девять. Два года назад.

Эмилий Иванович вздыхает и задумывается о бренности и несправедливости жизни. В глазах жжение.

– Вот, Тяпа, – говорит он, – здесь наша Лиля. Помнишь Лилю?

Тяпа с подывом вздыхает и мотает хвостом.

Лиля… С Лилей его познакомил Валерий Илларионович, художник-иллюстратор, друг архивариуса из музея, которого Эмилий Иванович сменил на посту, – тот вышел на пенсию. Павел Андреевич – так его звали – неделю вводил Эмилия Ивановича в курс дела, объяснял устройство картотек и каталогов, а потом предложил отметить свою пенсию и назначение Эмилия Ивановича со старинным другом – художником Валерием Илларионовичем. Они тогда хорошо посидели. Эмилий Иванович захмелел, отяжелел, принял рассказывать старику про школу и книжный магазин. Павел Андреевич хлопал его по плечу и говорил, что канцелярия – классное место и работать там одно удовольствие: во-первых, место историческое, во-вторых, спокойно и начальство носа не кажет, а в-третьих, можно найти массу интересного и, что главное, неучтенного, чисто тебе Авгиевы конюшни, а Эмилий Иванович будет Гераклом и первооткрывателем. Там можно такое найти, что о-го-го! Личные дневники местного дворянства, драгоценные рукописи, старинные документы, считавшиеся давно утерянными, даже рисунки и эскизы. И еще много чего.

А спустя неделю художник Валерий Илларионович пригласил его к себе. Жил он в многоэтажке в центре, на одиннадцатом этаже, один.

Эмилий Иванович с легкостью находил общий язык со стариками, в то время как ровесники часто ставили его в тупик. Не умел он с ровесниками. Валерий Илларионович расспрашивал о семье, и Эмилий Иванович рассказал, что мама умерла, он не женат, его новая работа ему очень нравится – губернская канцелярия действительно классное место, только немного сыровато. Но зато всегда можно сварить кофе и посидеть на крыльце. А если открыть входную дверь и впустить свет и тепло, то вообще супер. После школы и книжного магазина – рай земной. А вокруг кусты жасмина и дрока, и вообще, аура… соборы с куполами, старинные пушки, река до самого горизонта. И длинные песчаные пляжи на той стороне…

«Я хочу познакомить тебя с соседкой», – сказал Валерий Илларионович. Эмилий Иванович смутился – мамины подружки пытались знакомить его с девушками, но ничего путного из этого не выходило. Эмилий Иванович робел и стеснялся, девушки хихикали и шатались. Он запротестовал, мягко и деликатно, боясь обидеть, но Валерий Илларионович замахал руками и сказал, что все нормально. Это славная девушка, живет на одной с ним лестничной площадке, рисует бабочек и цветы. Она обязательно подарит Эмилию Ивановичу свой рисунок. Ее зовут Лиля.

Так они познакомились – Лиля и Эмилий Иванович. При виде Лили он застыл на месте и разинул рот – девушка была поразительно красива! Вьющиеся черные волосы, громадные черные глаза, смуглая, с ямочками на щеках… как со старинной восточной фрески. Она сидела в роскошном «дворцовом» кресле, а на коленях у нее примостилась маленькая черно-белая собачка с длинными волосиками. Девушка улыбнулась, Валерий Илларионович поцеловал ее в лоб. Собачка тоненько тявкнула, и все рассмеялись.

Там была еще немолодая дама – какая-то родственница, которая сразу захлопотала с чашками на кухне.

– Лиля, это мой новый друг Эмилий Иванович, – сказал художник. – Вот, пришли тебя проводить. Посмотреть бабочек. Покажешь? А это Тяпа! – Он подергал собачку за ухо.

Девушка улыбнулась и кивнула. Эмилий Иванович был так очарован, что не сразу заметил некую странность – за весь их визит Лиля не сказала ни слова! Она улыбалась, показывала свои рисунки, протянула один, на котором Эмилий Иванович задержался взглядом дольше, чем на других.

Эмилий Иванович вопросительно взглянул на художника, и тот кивнул: бери, мол, от подарков не отказываются. Смузенный Эмилий Иванович поблагодарил и взял.

Они выпили чаю с домашним печеньем и откланялись. Лиля улыбалась и кивала на прощание, а художник снова поцеловал ее в лоб. Тяпа побежала за ними в прихожую, а Лиля осталась сидеть в кресле.

Озадаченный Эмилий Иванович хотел расспросить о странной девушке, но Валерий Илларионович рассказал все сам.

– Несчастная семья, как заговорили их, – вздохнул он. – Семья, которую преследует фатум. Рок. Одни женщины. Леночка, мама Лили, родилась, когда матери, Галине Евгеньевне, было уже под сорок, и замужем она не была. Немолодая, некрасивая, скромная женщина, работала администратором в гостинице. А Леночка получилась красавицей и умненькая была. Мать из кожи лезла, чтобы у нее все было не хуже, чем у других. В университете – она училась на искусствоведческом – Леночка встретила эфиопского принца… говорили, настоящий принц, старинный род – чуть ли не от царицы Савской, голубая кровь, несметные богатства. Ну, любовь, страсть, дело молодое. Поженились они, и она переехала к мужу – принц снимал квартиру в центре. Я его никогда не видел, но люди говорили, что они были замечательно красивой парой. Через год родилась Лиля, а еще через год принц уехал домой, в родную Эфиопию. Обещал подготовить семью и забрать их; оставил денег. Леночка вернулась к матери и стала ждать своего принца. А его все не было. Деньги, правда, какие-то люди передавали исправно. Потом Галина Евгеньевна умерла… Перед смертью, как чувствовала, попросила переехать к ним родственнице, немолодую, но весьма энергичную даму, – ты ее видел, Эмилий. Да и меня просила присматривать… в случае чего. А Леночка все ждала, часами простоявала на балконе, когда было тепло, и у окна – зимой. Оттуда видна дорога и въезд во двор. Люди шептались, что она тронулась умом.

А Лиля росла чудесной девочкой… ты же видел ее! Смуглая, веселая, разодета как кукла – Леночка внушала ей, что она принцесса, что папа-король вот-вот приедет и заберет их с собой. И талантливая – прекрасно рисовала. Народ всякий у нас, кто-то посмеивался, кто-то завидовал, кто-то жалел. А когда Лиле исполнилось восемнадцать, Леночка погибла. Упала с балкона и разбилась насмерть. Говорили разное: покончила с собой, когда поняла, что эфиоп никогда не приедет; окончательно сошла с ума; выпала случайно. Все в доме прямо бурлило от слухов и домыслов.

Для Лили это стало страшным ударом, крушением мечты. Она ушла в себя, и странности вскоре появились – она перестала разговаривать, стала бояться чужих и темноты, отказывалась выходить из дома. Фамильное у них…

Ты хотел спросить меня, почему она молчит... Потому и молчит. Я привозил к ней психиатров, они предлагали положить ее в стационар, но мы отказались – знаем их методы! Да и не сумасшедшая она, все понимает, а просто... не знаю. Не хочет. Ну и решили оставить ее в покое, пусть живет как знает. Она не выходит из дома, молчит, знай себе рисует бабочек и цветочки. Я подарил ей собачку, она страшно обрадовалась.

Деньги давно уже не приходят, а жить как-то нужно. Мне помогал Паша, архивариус... но сейчас он на пенсии, как ты знаешь, а с пенсии нечего дать, сам понимаешь, какие пенсии у работников культуры.

Валерий Илларионович замолчал. Эмилий Иванович чувствовал некоторую неловкость – были бы деньги, он бы с радостью... но зарплата у работника культуры не намного больше, чем пенсия. Так примерно он и высказался, запинаясь и подыскивая слова.

– Тут вот какое дело, – начал Валерий Илларионович. – Помочь можно... была бы воля.

– Я... конечно! – воскликнул Эмилий Иванович. – Но как?

Услышав предложение Валерия Илларионовича, Эмилий Иванович ушам своим не поверили. Предложение не лезло ни в какие ворота, и ни один честный человек ни за какие коврижки его не принял бы. Но честный человек предполагает, за что ему большое спасибо, а обстоятельства располагают.

А дело было вот в чем. Бывший архивариус, ныне пенсионер, передавал Валерию Илларионовичу документы из фонда музея, тот копировал их, и они реализовывались через сеть магазинов «Антиквариат» как подлинники. Заработок не бог весть какой, настоящих коллекционеров старопечатной продукции сейчас немного, но кое-что капало.

– Но ведь есть же экспертиза! – пролепетал испуганный Эмилий Иванович. – Там же старинная бумага, а если поймают?

– Это не проблема, – объяснил Валерий Илларионович, – я рисую эскизы для «элитного» цеха нашего бумажного комбината – всякие именные приглашения, адреса, открытки, они любую бумагу сотворят, там ребята талантливые, старая гвардия. А у меня целая карточка старинных шрифтов, образцы почерков, чернила и туши тоже умельцы производят. Кроме того, экспертизу заказывает покупатель, с него и спрос. Ты думаешь, у нас так уж много экспертов в этой области? Немного, поверь. Могу тебя научить, хочешь? Натянем нос любому эксперту.

Эмилий Иванович замахал руками – нет, упаси боже!

– Вреда музею никакого, а с другой стороны, знаешь, сколько этих документов пропадает в запасниках от сырости? Да их за тысячу лет не разобрать... некому и дорого. Даже если бы мы... гм... тянули подлинники, и то никто не почесался бы. А так... – Он махнул рукой.

Говорят, глаза боятся, а руки делают. Через полгода Эмилий Иванович, который оказался талантливым учеником, мог подделать любой документ с закрытыми глазами. Сначала ему было стыдно, потом он убедил себя, что живой человек важнее никому не нужных бумаг. Почти не нужных. Живой человек – Лилия, которую Эмилий Иванович очень жалел и которой не было на что жить. Картинку с бабочкой он повесил у себя в спальне. Специально заказал красивую рамочку и повесил. Он старался не думать о том, что сказала бы мама... Мысли эти были мучительны, но однажды Эмилий Иванович сказал себе, что у всякого человека на земле есть некрасивая тайна или даже тайны, и теперь такая тайна будет и у него. Чем он лучше? Всех что-то царапает и мучит, у всех бремя, и каждый тащит свою ношу, как муравей дохлую стрекозу.

– Ты, Эмилий, прирожденный фальсификатор, – как-то похвалил его Валерий Илларионович, и Эмилий Иванович покраснел от смущения и удовольствия.

Разум человека рано или поздно найдет оправдательные моменты и смягчающие обстоятельства; очень убедителен вопрос: «А у меня есть выбор?» И ответ: «Выбора у меня нет!», что очень помогает при попытках неспокойной совести взбрыкнуть.

Валерий Илларионович однажды привел слова кого-то великого о том, что он, великий, при случае спасет из пожара кошку, а не «Мону Лизу». И добавил, что это вопрос спорный и не имеет решения, и мнения общественности разделились... Посмотри в Интернете, сказал он, там полно и «за» и «против». А у нас живая душа и старые, никому не нужные документы. Вот так-то, мой друг. Вся жизнь человека – один мучительный выбор.

Эмилий Иванович не поленился, поискав в Интернете и действительно нашел аргументы «за кошку» и «за Мону Лизу». И понял, что универсального решения, одного на всех, просто нет – каждый решает сам, а потом всю жизнь несет крест и спрашивает себя, прав ли. Что снова возвращает нас к тому, что «на дне каждого сердца есть осадок», как сказал незабвенный Козьма Прутков. Или некрасивая тайна. А куда денешься?

Ну и, кроме того, присутствовало чувство гордости! Мама Стелла Георгиевна ругала Эмилия Ивановича за руки «чудной кривизны», ни к чему не способные и все роняющие и бьющие, а оказалось, вовсе не кривые и довольно способные.

Эмилий Иванович стал бывать у Лили – сначала на пару с Валерием Илларионовичем, потом один. Они сидели молча. Эмилий Иванович рассматривал рисунки, Лилия держала на коленях собачку. Эмилий Иванович все время взглядал на Лилю. Лилия улыбалась, и он расцветал. Они пили чай с домашним печеньем. Посидев примерно час, Эмилий Иванович откланивался. Тяпа бежала провожать.

Была ли это любовь? Трудно сказать. Разве что платоническая, как к ангелу. И не снились ему эротические сны, и не представлял он себе ничего такого. А только сидел бы рядом вечность и смотрел, смотрел, смотрел... И вспыхивал бы от улыбки, и сердце заходилось от счастья, когда брал у нее из рук рисунок и пальцы их соприкасались...

А потом случилось страшное. Два года назад, десятого августа, Лилия выбросилась из окна. Повторила судьбу матери. Как это случилось, никто не знал, свидетелей не было. На рассвете, около трех. Причем ничего не предвещало беды – накануне вечером она была ровна, приветлива, рисовала бабочку, слушала музыку. А около трех старая дама услышала крик, глухой звук упавшего с подоконника горшка с цветами, истеричный лай Тяпы. Она рассказывала потом, что почувствовала такой ужас, что сердце «зашлось», и не сразу смогла встать с постели.

Валерий Илларионович позвонил Эмилию Ивановичу на рассвете, попросил приехать...

Почему? Что побудило Лилю? Вспомнила маму? Поняла, что ничего уже не будет? Устала ждать отца? Если ждала... Возможно, несчастный случай? Глупая, нелепая случайность? Может, во сне? Светила луна, и она во сне... Может, увидела что-нибудь внизу? Хотела рассмотреть, наклонилась... Может, может... Все может быть.

Ответов не было. И правды не дано было узнать никому. Рок и фатум.

Они пили водку и плакали. Оба.

– Даже не попрощалась... – говорил Валерий Илларионович. – Ни малейшего знака не подала... не понимаю! Все как всегда в тот вечер, в последний. Я думал, в случае чего, ты ее не бросишь, – говорил Валерий Илларионович. – Радовался, старый дурак. Думал, я скоро уйду, а ты присмотришь. Она полюбила тебя, признала. И я сразу понял, что ты добрый человек, так радовался, думал, теперь могу отойти со спокойной совестью... А жизнь распорядилась иначе, вишь, как бывает... Господи, как нелепо, как страшно! Страшно, когда уходят молодые, а старые остаются... Не уберег! Бедная, бедная моя девочка! Господи, за что такие испытания? Бедная, бедная...

Он плакал, а Эмилий Иванович подсовывал ему куски хлеба и мяса, ему было страшно – он никогда не видел старика в таком состоянии. Ему казалось, что Валерий Илларионович может умереть прямо за столом.

– Несправедливо… жестоко! Осиrotели мы с тобой, Эмилий… Как жестоко! – повторял старик, плача. – Как больно она бьет…

Эмилий Иванович догадался, что старый художник говорит о жизни, и печально покивал.

– Будешь моим душеприказчиком, ты честный человек, Эмилий, я верю тебе, как самому себе. И заберешь Тяпу…

Эмилий Иванович покраснел, вспомнив об их подпольном бизнесе, и подумал, что понятие «честный человек» довольно-таки растяжимо и, оказывается, зависит от обстоятельств. Но тем не менее ему было приятно…

… Эмилий Иванович попрощался с девочками, как он называл их, вытер слезы и пошел на могилу мамы. Посидел, рассказал о работе, о спикерах, которых приютил у себя в канцелярии. Стелла Георгиевна строго смотрела с мраморного рельефного изображения, и Эмилий Иванович стал уверять ее, что спикеры – приличные люди, что руководит ими Ирина Антоновна… Ириша, с которой он дружит. А про репетицию никто не узнает. Он расправил розы в черной мраморной вазе, подержался за мраморный обелиск и отправился к Валерию Илларионовичу, который умер в прошлом году, спустя полгода после Лили…

Глава 6 Будни

Ирина убежала на работу, когда Дельфин еще спал. На тумбочке около кровати оставила запасной ключ. Постояла на пороге спальни, сияющими глазами рассматривая спящего Дельфина, перевела взгляд на большое трюмо, в котором отразилась комната: постель со смятыми простынями, среди простыней спящий мужчина с жестким смуглым лицом, небрежно брошенная на коврике одежда... Она вдруг подумала, что могла бы позвонить на работу и сказать, что... что-нибудь придумать! У нее четыре отгула. И остаться. Нырнуть, прижаться... Она даже прислонилась к дверному косяку, судорожно вздохнув и прижав руку к груди. Он шевельнулся, и она испуганно метнулась прочь.

Из маршрутки она позвонила Эмилию Ивановичу и радостно зашебетала о том, как он их выручил и как она ему благодарна. Смущенный Эмилий... она словно видела, как он смущился и побагровел, – заикаясь, сказал, что рад, классные ребята, то есть не ребята, а читатели. И спросил, как она доехала и вообще все ли нормально дома. Ирина в ответ вспыхнула и заторопилась: дома все нормально, доехала прекрасно, толпы не было, музыка в салоне... Одернула себя – не суетись! Что за дурацкая манера постоянно оправдываться, темнить и пускать дымовую завесу? О Дельфине никто не знает, и ничье это собачье дело.

Эмилий Иванович помолчал, видимо, переваривая ее неуместную живость, потом спросил:

– А когда вы еще придете?

– А можно? – кокетливо спросила Ирина. – Мы тебе не надоели? Ребята шумные, а ты привык к тишине...

Это называется, напрашиваться на комплимент и признание в любви.

– Ну что ты! – бурно воскликнул Эмилий Иванович. – Конечно, приходите! Буду рад.

– Ладно, приедем, – ответила Ирина. – Послезавтра?

– Послезавтра! – обрадовался Эмилий Иванович. – Жду!

– Будем!

– Я хотел спросить... – замялся Эмилий Иванович.

– Да? – подбодрила Ирина.

– Почему Пиноккио и папа Карло, лиса Алиса, кот Базилио?

– Почему? Эмочка, ты что, «Буратино» не читал? Это же классика!

– Читал, но у вас «Пиноккио», а там совсем другие персонажи. Там нет папы Карло. Папа Карло – в «Золотом ключике».

– А! Ну да. А мы их смешали – Пиноккио на английском звучит красивее, чем Буратино. Вообще это вроде капустника, все дозволено, понимаешь? Можем твою Тяпу задействовать, хочешь?

– Спрошу у Тяпы, – сказал Эмилий Иванович.

Ирина рассмеялась, поймала в зеркальце внимательный взгляд водителя и смутилась. Водитель, небритый вчерашний дядька, подмигнул и ухмыльнулся.

– Неужели так заметно? – подумала Ирина, вспыхивая.

Всю дорогу она невольно улыбалась. Вдруг ее обожгла мысль: а если Дельфин уйдет? Вернется домой к жене? Он ведь женат! И вечером она его уже не застанет? Она не знает даже номера его мобильника! Ирина невольно сглотнула...

Тут автомобиль зачихал и встал. После безуспешных попыток завести двигатель водитель объявил: «Приехали! Все! Еду в гараж». Пассажиры не двинулись с места, ожидая чуда. Потом кто-то сказал: «А деньги?» Водитель достал коробку с мелкими купюрами, и народ,

недовольно галдя, полез из маршрутки, прихватывая бумажки. Ирина подумала, что это к лучшему, до библиотеки три квартала, можно подумать и еще раз перебрать в памяти...

Брать деньги из коробки она не стала.

Ирина шла мимо витрин, погруженная в воспоминания. Она снова вернулась к тому далекому сентябрьскому вечеру, когда Дельфин провожал ее домой, шагал рядом, молча, и плечи их иногда соприкасались. Она представляла себе, что пригласит его... легко и непринужденно спросит:

– Может, чай? Или кофе?

И он кивнет. Родителей нет, уехали на море. После семейных бурь и скандалов настал штиль, как оказалось, последний перед финальной бурей. Даже вспоминать не хочется! Ей тогда казалось, всем только и дела до их развода, она все время ожидала расспросов, дурного любопытства, косых взглядов. Но это потом, а сейчас... Квартира пуста, они будут одни. Можно включить музыку, он пригласит ее на танец... что-нибудь медленное – «медляк», – тягучее, сладкое, томительное. Он будет держать ее в объятиях, глаза утонут в глазах, сердце сойдет с ума, как в кино. А потом, потом... Тут фантазия трусливо буксовала.

Но он попрощался и ушел. Даже не постоял, как водится, у подъезда. Сказал: «Спокойной ночи», и был таков.

А если бы не ушел? Что дальше? Чай? Кофе? Музыка? Все как в кино. В кино все заканчивается постелью. Ей было шестнадцать, ему... он был взрослым мужиком, и бабы на него так и вешались. Фи, как грубо. Она не знала, как это бывает, а он знал. Он ее не захотел! Таков был печальный вывод: он ее попросту не захотел. Точка. Отвергнутая! Две недели она не появлялась на базе, стеснялась, ей казалось, что все уже знают – он довел ее до дома и ушел. Позор!

Сейчас она уже так не думала. Он вчера сказал: «Я боялся тебя! Ты была другая. Я не знал, о чем с тобой говорить. И я не представлял, что с тобой делать». Похоже на кодекс чести, не правда ли? Ее обдало жаром! Он поступил как взрослый человек, а она, сопливка, выстраивала какие-то планы... А дальше что? Ее захлестнуло запоздалое чувство благодарности за то, что было двадцать лет назад... или за то, чего не было. И за то, что было вчера. А что теперь? И почему вдруг? Она представила, что они вместе... новый виток, через двадцать лет. Видимо, в генетике женщины – потребность вить гнездо. Стоп, приказала она себе. Никаких планов. Может, вечером его уже не будет. Она вспомнила оставленный на тумбочке в прихожей запасной ключ. Черт! Не нужно было, он подумает, что это намек... А если даже намек? Она тряхнула волосами. Ну и пусть! Она сама ему скажет... Ирина замедлила шаг.

Тут у нее над ухом противно заверещали:

– Ирина Антоновна! Опаздываем! Совет в десять.

Ирина вздрогнула. Это была коллега из общего отдела Надежда Степановна, сущая нос во все щели. Ирина приняла независимый вид, но обмануть Надежду – пустой номер. Кроме того, проста, как правда, – что думает, то и говорит.

– Ты чего пешком? В городе ночевала? – Как бы с намеком на бурно проведенную ночь.

– Дома ночевала. Маршрутка сломалась около «Березки».

– А я-то думала... Девочки говорили, к тебе повадился очкарик из музея, говорят, клинья бьет!

Ирина пожала плечами и с трудом удержала улыбку.

– Что-то ты похудела, случилось чего? – Глазки горят, в голосе живой интерес. Любит страшилки.

– На диете.

– Ой, и мне надо! А ты на какой? Я тут прочитала про одну, говорят, оффигеть!

И пошло-поехало.

Они промчались по пустым коридорам, влетели в директорский кабинет. Директор Петр Филиппович, не старый еще человек с озабоченным лицом, укоризненно покачал головой.

– Извините, маршрутка сломалась! – выпалила Ирина, плюхаясь рядом с приятельницей из статистики Алиной. Прошептала: – Привет! Давно начали?

– Только что. Объявил повестку. На тебя жалоба.

– На меня? – удивилась Ирина.

– Повторяю, – напомнил о себе директор. – Две жалобы, на читальный зал и на иностранцев.

– А на нас за что? – выскоцила заведующая читальным залом Валентина Ионовна.

– За грубость персонала. Третья за квартал.

– Чернушкин? – догадалась Валентина Ионовна. – Он же псих! Пристает к Маше Хоменко, мстит. Звал в ресторан, она отказалась, так он жалобу. Что она, по-вашему, должна делать?

– А у нее нет парня, чтобы начистить ему морду? – спросил завхоз Павел Григорьевич, бывший военный, человек решительный и прямодушный. Правда, – пьющий.

Дамы хихикнули.

– Это не наш метод, – строго сказал директор.

– Ага, негуманно, – поддакнула заведующая научным отделом Евдокия Митрофановна. – Надо воздействовать добрым словом, мы в храме книг, не забывайте об этом.

Алина пихнула локтем Ирину и закатила глаза.

– А на меня за что? – спросила Ирина.

– А у вас, Ирина Антоновна, не отдел, а явочная квартира. Какие-то сомнительные личности, иностранцы, хулиганье, хипстеры какие-то, городские сумасшедшие. А теперь еще и шумные репетиции. Вы не могли бы repetировать в другом месте?

– Что такое хипстеры? – прошептала Алина.

– Могли бы, но тогда и премьера будет в другом месте, и радио, и пресса, – с удовольствием ответила Ирина.

Директор трепетно относился к материалам о библиотеке в средствах массовой информации, так как шла непрекращающаяся борьба за выживание.

Алина пихнула Ирину локтем и прошептала:

– Прошел слух, что у тебя с Эмилием роман, вас видели в парке.

– Роман? С Эмилием? – Ирина невольно рассмеялась.

– А чего, Эмилька – парень видный! – Алина хихикнула.

– Не нахожу ничего смешного, – обиженно сказал директор и постучал карандашом по графину.

– Вы обещали нам второй компьютер, – вспомнила Ирина. – Еще зимой!

– Пока ничего нет, но я помню.

– Толку-то, – прошептала Алина. – Слушай, а у него как с головой? У Эмильки?

– Нормально, ты чего?

– Давайте пригласим Чернушкина на очную ставку с читальным залом, – предложила Евдокия Митрофановна, – пусть выскажет претензии в лицо. Нам всем.

– И участкового позовем, – добавил завхоз. – Или санитаров. Но лично я начистил бы морду.

– Ты прямо светишься, – сказала Алина. – Неужели Эмилька?

– Нет!

– А кто?

– Потом!

– Значит, правда? – воспламенилась Алина.

– Правда.

– Это серьезно?

– Не знаю... Ничего не знаю. Потом.

Глава 7

Безутешная подруга

Разбудил Федора Алексеева телефонный звонок. Он застонал, не открывая глаз, захлопал ладонью по тумбочке. Это был капитан Коля Астахов.

– Ну? – буркнул Федор.

– Ты один? – спросил Коля.

– Ну?

– Ты чего? – поинтересовался Коля. – Головка бо-бо? Интересно, с кем? Неужели с Савелием?

Федор рассмеялся и окончательно проснулся.

– С Виталей Щанским, столкнулись случайно. Он и Коля Башкирцев шли обмывать покупку.

Виталий Щанский и Коля Башкирцев были местными художниками, друзьями и ветчими соперниками – иногда между ними доходило до драки, потом они мирились и с удовольствием отмечали возобновление отношений, потом снова ссорились… и так далее. Таков был круговорот их отношений.

– Какую покупку? Тачку? – спросил Коля.

– Голодной куме просо на уме. Виталея купил по случаю два рисунка Тимофея Галагана, это наш местный художник, в тридцать седьмом был репрессирован и без следа сгинул. Почти ничего из его наследия не осталось, а тут всплыли вдруг эти рисунки, повезло, можно сказать. Они закупились и шли к Витале обмывать, а тут я. Кстати, который час?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.